

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2022. № 2 (20)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2022

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2022. № 2 (20)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2022

2022. 2 (20).

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культур и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – канд. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – технический редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Картинка для обложки выполнена магистрантом-филологом *Каминской А. Ф.*

2022. 2 (20).

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology) (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times

of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeveva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – PhD in Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Alexej Petrov – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

The picture for the cover was made by master's student-philologist *Anastasia Kaminskaya*.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Пономарев А. В., Абрамзон Т. Е. ОСОБЕННОСТИ
ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. 13

Юнусова Ф. Б. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКИХ
ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК 22

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Дрожбина А. И. «ЭФФЕКТ МОЦАРТА» И ЕГО СВЯЗЬ
С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ИЗУЧЕНИЕМ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ 34

РАЗДЕЛ III. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Постникова Е. Г. ЛАГЕРНАЯ ПОЭМА БОРИСА
РУЧЬЕВА «ПОЛЮС»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА 41

РАЗДЕЛ IV. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

Лотова И. С., Савельев К. Н. ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ
ГЕРОЕВ ТРОЯНСКОГО МИФА В ЛИТЕРАТУРНО-
КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX ВЕКА 54

Петров А. В., Ганиева М. Н. ТЕМА САМОДЕРЖАВНОЙ
ВЛАСТИ В ДРАМЕ «ПАВЕЛ I» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО
И В РАССКАЗЕ «ПОДПОРУЧИК КИЖЕ» Ю. Н. ТЫНЯНОВА 63

РАЗДЕЛ V. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Гараева Л. А. ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОРМАТИВНЫХ
ТЕКСТОВ У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ 78

РАЗДЕЛ VI. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

<i>Солдатченко А. Л.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	93
---	----

АВТОРАМ	102
----------------	-----

CONTENTS

PART I. HISTORY AND THEORY OF GENRES: THE DIALECTIC OF FORM AND CONTENT

Ponomarev A. V., Abramzon T. E. SECULAR LITERATURE
IN THE MIDDLE OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES:
FEATURES OF THE PANEGRIC GENRES 13

Yunusova F. B. THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT
OF TRAVEL NOTES IN BASHKIR LITERATURE 22

PART II. TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Drozhdina A. I. THE ISSUE OF “THE MOZART EFFECT”
AND ITS RELATION TO EMOTIONAL INTELLIGENCE
AND FOREIGN LANGUAGES 34

PART III. POETICS OF THE RUSSIAN LITERATURE

Postnikova Y. G. BORIS RUCHEV'S CAMP POEM
"THE POLE": THE HISTORY OF THE TEXT 41

PART IV. COMPARATIVISTICS TODAY: TASKS – IDEAS – SCHOOLS

Lotova I. S., Savelev C. N. XX CENTURY LITERARY
AND COMMUNICATION SPACE: THE IMAGE EVOLUTION
OF THE TROYAN MYTHICAL HEROES 54

Petrov A. V., Ganieva M. N. THE THEME
OF AUTOCRATIC POWER IN D. S. MEREZHKOVSKY'S
DRAMA «PAUL I» AND IN YU. N. TYNANOV'S STORY
«SECOND LIEUTENANT KIZHE» 63

PART V. THE METHODOLOGY OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

Garaeva L. A. FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING
PHILOLOGICAL CULTURE OF NORMATIVE TEXTS
TO STUDENTS OF PHILOLOGY 78

**PART VI. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
AXIOLOGICAL MODELS**

Soldatchenko A. L. AXIOLOGICAL ASPECT
OF THE FORMATION OF SOCIAL MATURITY IN TECHNICAL
UNIVERSITY UNDERGRADUATES IN THE CONTEXT
OF DIGITALIZATION OF THE SYSTEM OF HIGHER
EDUCATION 93

TO AUTHORS 102

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА

ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

ББК 83.3(2)
УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_13

ОСОБЕННОСТИ ПАНЕГИРИЧЕСКИХ ЖАНРОВ СВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

А. В. Пономарев¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
georgneveg@gmail.com*

Т. Е. Абрамзон²

*ORCID 0000-0002-9771-9569
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
ate71@mail.ru*

В статье рассматривается становление и особенности панегирических жанров в России на рубеже XVIII – начала XIX вв. Именно в этот период создаются литературные творения, восхваляющие государство и публичную власть. Главная задача литературы в это время – служение Империи, поэтому легенды об императорах являлись формой апологетического мифа, сложившегося в XVIII веке и разрабатывавшегося жанрами духовного и светского красноречия. Ввиду консервативности этих жанров и придворного этикета в целом основные составляющие императорского мифа были заданы предшествующей панегирической традицией. Таким образом, некоторые события из жизни российских правителей отражались в словесности соответственно канону, другие – служили появлению в легенде новых сторон, новых «мифологем».

¹ Пономарев Андрей Викторович, аспирант МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Абрамзон Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

Целесообразным представляется рассмотреть развитие этого мифотворчества с двух точек зрения, исследуя как биографическо-историческую сторону, так и особенности поэтики.

Одним из жанров ораторской прозы, особенно популярной в XVII–XVIII вв. становится панегирик (*panégyrique*). В отличие от европейской литературной традиции в России до середины XVIII в. духовное и светское красноречие воспринималось одинаково, как равноправные жанры. Но, постепенно, особенно после реформы Карамзина, светская литература приобрела более простую и изящную форму, лишенную чрезмерного обилия славянизмов. Несмотря на размежевание стилей в некогда единой системе, панегирики продолжали сочетать в себе риторические и поэтические жанры, в связи с этим обращение к «панегирическому» образу императоров середины и конца XVIII века, что и требует более пристального внимания исследователей.

Ключевые слова: поэзия, XVIII век, мифоистория, панегирики, ода

Введение

Одним из жанров ораторской прозы, особенно популярной в XVII–XVIII вв., становится панегирик (*panégyrique*).

В толковом словаре С. И. Ожегова под панегириком понимается «ораторская речь хвалебного содержания. Восторженная и неумеренная похвала» [9]. В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова панегирик определяется исключительно как хвалебный жанр античной поэзии [7]. Согласно «Новому этимологическому и историческому словарю» (*Nouveau Dictionnaire Étymologique et Historique*), *panégyrique* происходит от греческого «*panêgurikos*» и толкуется как речь перед большим количеством слушателей [6].

Основная часть

Несомненно, своим появлением панегирические жанры обязаны основателю древнегреческой риторской школы в Афинах Исократу, который использовал термин «панегирик» в контексте «похвального слова в торжественном всенародном собрании» [3]. До политической речи Исократ, произнесенной им в 380 г. до н. э., хвалебные речи в честь героев, правителей и богов назывались энкомиями, но именно после произнесенного воззвания ритора к гражданам Афин и Спарты панегирики стали вытеснять энкомии и заняли ведущее место среди жанров «хвалебного красноречия».

В Древнем Риме панегирики стали особенно популярны в республиканский период. Речи, восхваляющие достоинства

гражданина, часто произносились во время похорон. Например, панегирик Гая Юлия Цезаря, прочитанный им на прощании с его теткой Юлией, стал моделью для последующих произведений в русле благодарственных речей.

В период правления Августа панегирики становятся не просто произведениями, восхваляющими богов, героев и заслуги выдающихся римлян, но и официальными речами, обязательными к прочтению всеми кандидатами на вступление в должность консула.

Особая роль в развитии панегирических жанров принадлежит Марку Туллию Цицерону, который выделил три вида античного красноречия: торжественный, совещательный и судебный. Цицерон, будучи искусным оратором, определил основные задачи панегириков, важнейшей из которых стало «доставление удовольствия слушателям» [14].

В речи «В защиту Марцелла» Цицерон не просто перечислил заслуги Цезаря, но и восхвалял его добродетели, одной из которых стало возвращение из ссылки главного оппонента диктатора – Марцелла. Речь Цицерона построена по законам жанра хвалебных речей: имеет вступление, основную часть и заключение. Лесть и хвала Цезарю сочетаются с упоминанием главных достоинств римлян: доблести (Virtus), счастливой судьбы (Fortuna), благочестия (Pietas) [14].

По мере развития литературы панегирическая литература становится средством политического влияния. В XVII веке панегирики занимают ведущее место во французской литературе. Д. Дидро, Вольтер, Н. Буало стали прославлять монархических особ и политиков и т. п. О. И. Короленко, проанализировав французские панегирики, пришла к выводу, что все они посвящены Людовику XIV и связанным с монархией важными событиями [6, 76].

В Россию панегирики проникают из Европы и со времен Петра I занимают одно из ведущих мест в поэзии и прозе. Наиболее яркие панегирические тексты оставили М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, А. П. Сумароков и др.

В отличие от европейской литературной традиции в России до середины XVIII в. духовное и светское красноречие воспринималось одинаково, как равноправные жанры. Но постепенно, особенно после реформы Н. М. Карамзина, светская литература приобрела более простую и изящную форму, лишенную чрезмерного обилия славянизмов [12, 228]. Несмотря на размежевание стилей в некогда единой системе, панегирики продолжали сочетать в себе риторические и поэтические жанры, в связи с этим обращение к «панегирическому» образу императоров середины и конца XVIII века требует более пристального внимания исследователей.

Жанр похвалы царствующему дому являлся ведущим в придворной поэзии начала и середины XVIII века, причем поэты стремились не только угодить императору, но и вызвать восхищение у придворных служителей [4]. Такая тенденция сохранялась вплоть до конца столетия, пока в России не стали появляться зачатки гражданского общества и панегирики не утратили свои ведущие позиции в литературе [4].

Панегирики XVIII века являлись разновидностью политической литературы, проливая свет на культ абсолютного монарха и воздействуя на сознание подданных. Примером, иллюстрирующим данное предположение, являются торжественные оды, которые создавались в честь государственных событий (военная победа, тезоименитство, годовщина восшествия на престол царствующей особы).

Как декламационный жанр ода мыслилась произносимой (хотя чаще она «подносилась») и подчинялась законам ораторского искусства или «ораторского действия» [12, 230]. Не менее существенную роль «витийственное» начало играло в церковном или духовном красноречии: *проповедь* – речь к народу и перед народом, названия других жанров – *речь* и *слово* – говорят сами за себя (различия между ними зависели от объема сочинения и повода, по которому оно произносилось). Как и в оде, источник духовного красноречия заключался во «внутреннем *одушевлении* человека» [11, 13], слово мыслилось действием в борьбе – против порока или греха за спасение души, а проповедник считался «воином среди мирной брани».

Перед проповедником XVIII века стояли три основных задачи, определенные еще античными риториками: «учить, нравиться, трогать». Для того чтобы «учить», надлежало стремиться к психологическому воздействию на слушателя; чтобы «нравиться», сделать свою речь изящной и выразительной; чтобы «трогать» нужно было самому исполниться «одушевления и увлечения» [11, 17].

Петровские церковные реформы привели к превращению церкви в политический институт. Правительственные начинания получали одобрение на церковной кафедре (показательны слова Анастасия Братановского: «Любовь к Государству есть <...> любовь к Богу» [11, 17]). Поскольку правящая династия была переведена в разряд божественной и включала в себя столько богов/полубогов, сколько было членов царствующего дома, то дни их рождения, тезоименитства, восшествия на престол, коронации сделались не только гражданскими, но и церковными праздниками, «отмечаемыми торжественным молебном и обычно проповедью <...> Таким образом, появляется понятие “высокоторжественных дней”»,

которые с их пышностью и награждениями складываются в особую систему религиозного почитания царя и царского дома [9, 14].

Духовные сочинения, написанные по случаю чествования императора или военной победы, были близки к так называемому парадному красноречию, похвальным и благодарственным словам. Если проповедь произносилась духовным лицом, речь или слово могли принадлежать как церковному, так и светскому автору (однако «похвальное слово» – только светскому). Примером может служить стихотворение В. А. Жуковского в честь победы России над наполеоновской Францией:

О дивный век, когда певец царя – не льстец,
Когда хвала – восторг, глас лиры – глас народа.
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода.
Великость, слава, мир, отечество, алтарь.
Все, все слилось в одно святое слово: царь [2].

Надо заметить, что во второй половине XVIII века складывается новый тип русского духовенства, в семинариях преподается французский язык, появляются проповеди, написанные по-русски. И это тоже, несомненно, способствовало сближению духовной и светской литературы.

Существуя в единой системе словесности и имея сходную «установку», церковное и светское красноречие и панегирическая поэзия, естественно, обнаруживали общие черты: определенные элементы композиции, стилистические критерии, украшения, барочную игру словами, символику [12, 230].

В произведениях, принадлежащих светскому и духовному красноречию, скрыто или явно непременно содержалось поучение. Придворное проповедничество давало возможность напрямую обращаться к императору, его фаворитам и людям, близким ко двору. Восхваляя царя, сочинитель торжественной оды одновременно стремился и наставлять его в любви к своим подданным [15, 2].

Выводы

Таким образом, на протяжении всего XVIII века апологетика была частью «придворного и правительственного этикета». Развитие словесных искусств в век Екатерины выразилось, в частности, в увеличении панегирических произведений самого разного художественного достоинства. Императрица боготворила своего старшего внука Александра, поэтому, чтобы сделать ей приятное, большой двор и придворные стихотворцы расточали похвалы и ему; он представлялся современникам отсветом сияния Мудрости и Милости на троне «самой дивной женщины всех времен» [5, 295]. Когда в царствование Павла I воспевание Екатерины стало

неуместным, значительно сократилось и число панегириков Александру Павловичу. По восшествии же на престол в марте 1801 года он стал главным адресатом и героем панегирической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. Москва: Наука, 1987. 256 с.
2. Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. [Электронный ресурс]. Москва – Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 1. Стихотворения. 1920 с.
3. Исократ. XII. Панафийнейская речь [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/isocrates/pan12f.htm> (дата обращения: 24.01.2022).
4. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм [Электронный ресурс] // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (дата обращения: 12.01.2022).
5. Ключевский В. О. Императрица Екатерина II (1729- 1796) // Исторические портреты. Москва: Правда, 1990. 580 с.
6. Короленко О. И. Панегирик как хвалебный жанр официального дискурса французского академика XVII века [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/panegirik-kak-hvalebnyy-zhanr-ofitsialnogo-diskursa-frantsuzskogo-akademika-xvii-veka> (дата обращения: 26.02.2022).
7. Кузнецов С. А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург: Норинт, 1988 URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 20.01.2022).
8. Люстров М. Ю. Панегирики "старых солдат" молодым монархам в русской и шведской литературах XVIII в [Электронный ресурс] // Studia Litterarum. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/panegiriki-staryh-soldat-molodym-monarham-v-russkoy-i-shvedskoy-literaturah-xviii-v> (дата обращения: 26.02.2022).
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc>. (дата обращения: 01.02.2022).
10. Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава. Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. Москва, 1987. 48 с.

11. Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев: Типография И.И. Горбунова, 1906. 304 с.
12. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977. С. 227–252.
13. Хрущов И. Александр Первый. Очерк отношений к нему русских писателей. Речь, произнесенная на торжественном акте университета Св. Владимира, 3 января 1878 г. Киев: Унив. тип., 1878. 30 с.
14. Цицерон М. Т. Речь по поводу возвращения Марка Клавдия Марцелла [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения 01.02.2022).
15. Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе: документально-исторические очерки: публицистика. – Москва: Директ-Медиа. 214. 142 с.

REFERENCES

1. Zhivov V. M., Uspenskiy B. A. Car' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii [Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia] // Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti [Languages of culture and problems of translatability]. Moscow: Nauka, 1987. 256 p.
2. Zhukovskij V. A. Sobranie sochinenij: v 4 t. [Collected works: in 4 volumes] [Elektronnyj resurs]. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. T. 1. Stihotvoreniya. 1920 p.
3. Isokrat. XII. Panafijnejskaya rech' [XII. Panathian speech] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/isocrates/pan12f.htm> (accessed 24.01.2022).
4. Klejn I. Pohvala vlastitelyu: Panegiricheskaya poeziya i russkij absolyutizm [Praise to the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism] [Elektronnyj resurs] // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohvala-vlastitelyu-panegiricheskaya-poeziya-i-russkiy-absolyutizm> (accessed 12.01.2022).
5. Ključevskij V. O. Imperatrica Ekaterina II (1729-1796) [Catherine II (1729-1796)] // Istoricheskie portrety [Historical portraits]. Moscow: Pravda, 1990. 580 p.
6. Korolenko O. I. Panegirik kak hvalebnyj zhanr oficial'nogo diskursa francuzskogo akademika XVII veka [Panegyric as a laudatory genre of the official discourse of a French academician of the 17th century] [Elektronnyj resurs] // Vestnik YUUrGU. Seriya: Lingvistika [Bulletin of SUSU. Series: Linguistics]. 2017. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/panegirik-kak-hvalebnyy-zhanr-ofitsialnogo-diskursa-frantsuzskogo-akademika-xvii-veka> (accessed 26.02.2022).

7. Kuznecov S. A. (red.) Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language] [Elektronnyj resurs]. Saint Peterburg: Norint, 1988 URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed 20.01.2022).

8. Lyustrov M. Yu. Panegiriki "staryh soldat" molodym monarham v russkoj i shvedskoj literaturah XVIII v [Panegyrics of "old soldiers" to young monarchs in Russian and Swedish literature of the 18th century] [Elektronnyj resurs] // Studia Litterarum. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/panegiriki-staryh-soldat-molodym-monarham-v-russkoy-i-shvedskoy-literaturah-xviii-v> (accessed 26.02.2022).

9. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://slovar.cc>. (accessed 01.02.2022).

Okhotin N. G. 1812 god v poezii i poeziya v 1812 godu [1812 in poetry and poetry in 1812] // Russkaya slava. Russkie poety ob Otechestvennoj vojne 1812 goda [Russian glory. Russian poets about the Patriotic War of 1812]. Moscow, 1987. 48 p.

3. Pevnickij V. F. Cerkovnoe krasnorechie i ego osnovnye zakony [Church eloquence and its basic laws]. Kiev: Tipografija I. I. Gorbunova, 1906. 304 p.

12. Tynjanov Ju. N. Oda kak oratorskij zhanr [Oda as the oratorical genre]// Istorija literatury. Kino [Literary history. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. P. 227-252.

13. Hrushchov I. Aleksandr Pervyj. Ocherk otnoshenij k nemu russkih pisatelej. Rech', proiznesennaya na torzhestvennom akte universiteta Sv. Vladimira, 3 yanvarya 1878 g. [Alexander the First. Essay on the attitude of Russian writers towards him. Speech delivered at the solemn act of the University of St. Vladimir, January 3, 1878]. Kiev: Univ. tip., 1878. 30 p.

14. Ciceron M. T. Rech' po povodu vozvrashcheniya Marka Klavdiya Marcella [peech on the return of Mark Claudius Marcellus] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (accessed 01.02.2022).

15. Shmurlo E. F. Petr Velikij v russkoj literature: dokumental'no-istoricheskie ocherki: publicistika [Peter the Great in Russian literature: documentary and historical essays: journalism]. Moscow: Direkt-Media. 214. 142 p.

SECULAR LITERATURE IN THE MIDDLE OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES: FEATURES OF THE PANEGRIC GENRES

Andrey V. Ponomarev¹ Tatiana E. Abramzon²

¹Postgraduate student Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

²Doctor of Science (Philology), Assistant professor of Department
of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Absrtact

The article discusses the formation and features of panegyric genres in Russia at the turn of the 18th – early 19th centuries. During this period literary works praising the state and public authorities were created. The main task of literature at that time was to serve the Empire, therefore the legends about emperors were a form of apologetic myth that developed in the XVIII century and was developed by the genres of spiritual and secular eloquence. Due to the conservatism of these genres and court etiquette in general, the main components of the imperial myth were set by the previous panegyric tradition. Thus, some events from the life of Russian rulers were reflected in literature in accordance with the canon, others served as the appearance of new sides in the legend, new "mythologems". It seems appropriate to consider the development of this myth-making from two points of view, exploring both the biographical-historical side and the features of poetics.

One of the genres of oratorical prose, especially popular in the 17th – 18th centuries. becomes a panegyric. Unlike the European literary tradition in Russia until the middle of the 18th century. spiritual and secular eloquence were perceived equally, as equal genres. But, gradually, especially after Karamzin's reform, secular literature acquired a simpler and more elegant form, devoid of an excessive abundance of Slavicisms. Despite the separation of styles in the once unified system, panegyrics continued to combine rhetorical and poetic genres, in this regard, the appeal to the "panegyric" image of the emperors of the middle and end of the XVIII century requires closer attention of researchers.

Keywords: poetry, 18th century, mythology, panegyrics, ode

Для цитирования: Пономарев А. В., Абрамзон Т. Е. Особенности панегирических жанров светской литературы середины XVIII – начала XIX вв. // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 13–21.

Поступила в редакцию 10.03.2022

Ф. Б. Юнусова

ББК 83.3(2 РОС=Баш)

УДК 82(470.57) – 92

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_22

Ф. Б. Юнусова¹

ФГБНУ УФИЦ РАН

450054, Республика Башкортостан,

г. Уфа, проспект Октября, д. 71

Firdaus23@bk.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКИХ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК

Статья посвящена рассмотрению истории развития башкирских путевых заметок XVIII – конца XX вв., включающих в себя такие жанры, как хаджнаме (*хадж* – паломничество в святые места) и саяхатнаме (*сэйэхэт* – путешествие), которые возникли в средние века в связи с путешествиями к святым местам. Они в XVIII веке печатались на старотюркском языке, а в XX веке – на башкирском. Из башкирских писателей к названным жанрам первыми обратились Т. Ялыгул, А. Каргалы, Г. Сокорой, М. Уметбаев, далее М. Карим, Р. Бикбаев, Р. Хажиев и др.

В статье на конкретных примерах путевых заметок прослеживается эволюция жанра с XVIII до конца XX вв., показывается разнообразие форм этого жанра: письмо, размышления, записи. Отмечается также, что в настоящее время интернет вносит коррективы в литературу, потому путевые заметки уступают место стремительно развивающейся трэвел-журналистике. В работе довольно подробно рассматриваются своеобразие жанра и его поэтика. В качестве материала исследования использованы произведения башкирских писателей Т. Ялыгулова, А. Каргалы, М. Уметбаева, Г. Сокороя, М. Карима, Р. Бикбаева, Р. Хажиева и др.

Ключевые слова: башкирская литература, публицистика, жанр, путевые заметки, XVIII – конец XX века, башкирские писатели

¹ Юнусова Фирдаус Бариевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия.

Введение

Путевые заметки, имевшие широкое распространение в XVIII–XIX вв., назывались хаджнаме (*хадж* – паломничество в святые места) и саяхатнаме (*сэйхат* – путешествие), где «наме» означает «вид письма, записей». Таковые имели место среди произведений Т. Ялыгула, А. Каргалы, Г. Соко́ря, М. Уметбаева.

Жанр путевых записей – саяхатнаме – формировался путем взаимодействия фольклорных, документальных и художественных форм и имел прозаическую форму, редко – поэтическую. Исследователь мировых литератур Б. Рифтин считает, что саяхатнаме, хаджнаме возникли в средние века в связи с путешествиями к святым местам и позже – с деятельностью миссионеров» [15, 18]. По определению известного башкирского литературоведа, академика Г. Хусаинова, «саяхатнаме (арабск. – путевые записки) – традиционная рукопись, составленная по впечатлениям от увиденного и услышанного и самого путешествия в малоизвестные страны; хаджнаме (арабск. – книга, жанр восточной мусульманской литературы; путевые записки – произведения, основу которых составляют путешествия, хождения (у Афанасия Никитина – это «Хождение за три моря») по разным странам. В них описываются события, произошедшие во время путешествий» [20, 43–44].

Основная часть

Рукописные и печатные путевые заметки, встречающиеся в тюркской литературе Урало-Поволжья, связаны с паломничеством в Мекку для совершения хаджа. Среди них своей историко-литературной ценностью выделяются «Путешествие Исмагила» (1751) и «Путешествие Мухаммета Амина» (1783). Для них характерны преувеличение, максимальная подробность в описании деталей увиденного, пережитого, но уже прослеживается стремление к достоверности, присутствие элементов реального, выведение на первый план обыденных, жизненных мотивов.

Среди произведений, вошедших в книгу «Переводы хаджи из Сеитовского посада Абельманиха» (1845) А. Каргалы, привлекают внимание путевые заметки, написанные в стихах.

Абельманих Абельфаиз-улы Каргалы (Габдессалямов, 1784–1824), довольно известный в свое время среди тюркских народов поэт, много путешествовал. Ему довелось побывать в Бухаре, Стамбуле, Каире, совершить хадж в Мекку и Медину. В Стамбул он отправился с чиновником по имени Мухаметйусуф и по его просьбе поэт свои впечатления опишет в стихах. А. Каргалы отмечает, что, например, стихотворение «Благодарение» в книге «Переводы хаджи

Абельманиха из Сеитовского посада» он написал в подражание иранскому поэту Фирдоуси, жившему в X в. (936–1020). Глубоко философичны в нем следующие строки:

Не жалею о прошлом,
Не печалься о будущем:
Обойдя четвертую часть земли,
Повидал ты много поучительного [19, 235–236].

Поэтическое саяхатнаме пронизано глубокой тоской по родному краю и чувством патриотизма:

Тоска по родине сердце гложет,
Домой хочу – нет лучше земли родной.
Любовь к родине – святое чувство,
Потому мужчины, женщины в пути [19, 235–236].

Г. Сокорой (Мухаметгали Габделсалихович Кииков, 1826–1889) – известный башкирский писатель, поэт-просветитель XIX в., оставивший многогранное литературное наследие. Его произведения в жанрах мадхия (восхваление, панегирик, дифирамб, ода), марсия (поэтическое произведение, восхваляющее, как правило, известного человека, мотивы оплакивания часто носят философский характер), мунаджат (древнейший жанр музыкально-поэтического творчества; ночная молитва, обращенная к Аллаху, философские размышления о жизни и смерти), касида (древнейшая форма персидской поэзии; хвалебная ода), газал/газель (арабский лирический жанр, воспевающий женскую красоту), хикмет (жанр восточной литературы, небольшое по объему, преимущественно поэтическое произведение, содержащее философскую или житейскую мудрость, поучение) – написаны по канонам нормативной поэтики. Их содержание, идейно-эстетическая суть пропитаны суфийским духом. С другой стороны, его автобиографические стихи, пейзажная лирика, мэдех богаты жизненными деталями, написаны в реалистических тонах и стиле, дающих точную поэтическую характеристику личности. В таком же стиле им написано большое поэтическое хаджнаме.

Г. Сокорой четырежды совершал хадж. После первого хаджа в 1872 г. он описал свои впечатления в хаджнаме «Насим ас-саба» (Ветер утренней зари). С намерением издать свою книгу он много лет ездил в Казань. К сожалению, рукопись, попав в руки недобросовестного издателя, так и не увидела свет. Лишь после смерти издателя стало известно, что рукопись давно ходила по рукам в списках. К счастью, рукопись «Насим ас-саба» не была утеряна и сохранилась в библиотеке Казанского университета.

Г. Сокорой во время своего путешествия восхищается необъятными просторами и богатством российской земли, стройками, фабриками и заводами, мостами, соединяющими берега рек, и Москвой, а в итоге – «великой империей», и с гордостью утверждает, что Россия величественнее всех держав в мире. Г. Сокорой в хаджнаме не ограничивается описанием лишь увиденного и пережитого – за каждой строкой чувствуется активная гражданская позиция, прогрессивные взгляды и отношение его на те или иные явления.

В истории башкирской литературы период на стыке двух веков связан с творчеством М. Уметбаева (Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев, 1841–1907), который был просвещенным для своего времени человеком, ученым и поэтом. Его произведения имеют энциклопедический характер. Вся творческая деятельность и поэзия М. Уметбаева направлены на пропаганду идей просвещения в доступной литературной форме, на донесение идейно-эстетических, этических, рационалистических взглядов до широкого круга читателей с помощью художественного слова.

Главная книга М. Уметбаева «Памятки» энциклопедического характера и содержит основные сведения о природе, мире, науке, культуре, печатной литературе, народном творчестве, педагогике, истории, этнографии и о многом другом, т. е. включает статьи, научно-литературные очерки, путевые заметки, предания, легенды, стихи и басни, назымы, восхваления, элегии, шежере, таварихи, назидания и описания. Все они написаны М. Уметбаевым не в сухом деловом стиле, присущем энциклопедическим работам, а в эмоционально-окрашенной форме. Многие из описанных исторических событий, этнографических картин он пропускает через свое сердце и оценивает с позиций интересов народа. Идеи просветительства, найдя после М. Акмуллы яркое отражение в произведениях М. Уметбаева, определяют их тематику, жанровое богатство, идейно-эстетическую направленность.

Таким образом, Т. Ялыгул, А. Каргалы, Г. Сокорой, М. Уметбаев внесли большой вклад в развитие жанров хаджнаме, саяхатнаме и жанра путевых записок.

В истории башкирской литературы путевые заметки также занимают особое место и в определенных аспектах рассмотрены в трудах известных башкирских исследователей Г. Хусаинова, Р. Амирова, М. Надергулова.

70–80-е гг. XX века в башкирской литературе ознаменованы установлением дружеских связей с писателями, поэтами и литераторами из других республик. Проводимые в то время

в Башкортостане Дни русской, украинской, казахской, каракалпакской, чувашской, якутской, алтайской литератур превращались в праздник большой дружбы. Башкирские писатели, посетившие другие республики и зарубежные страны, привозили незабываемые впечатления от этих встреч. На страницах газет и журналов периодически появлялись переводы произведений авторов из других республик и стран, издавались интересные сборники, антологии, а также публиковались воспоминания о поездках. Союз писателей Башкортостана проводил большую работу, включаясь во все сферы жизни общества: писатели направлялись в длительные командировки на важные стройки в республике и поездки за границу. Впечатления от зарубежных поездок описаны в путевых очерках М. Карима «Вьетнам недалеко», И. Абдуллина «Сильнее дружбы нет ничего», Г. Ибрагимова «На земле друзей», Н. Наджи «Индийские страницы», К. Мэргэна «Дневник души», Р. Баимова «Дружеская неделя в Галле».

М. Карим (Мустафа Сафич Каримов, 1919–2005) – народный поэт Башкортостана, писатель, драматург и публицист стал целой эпохой не только башкирской, российской, но и мировой литературы. Он много раз побывал за рубежом. Тема дружбы между народами планеты стала одной из главных тем в творчестве писателя. По итогам поездок в Республику Болгария и Демократическую Республику Вьетнам он написал путевые очерки «В стране улыбок» и «Вьетнам недалеко...» Путевой очерк, посвященный описанию быта и культуры народа Вьетнама, был издан в Уфе отдельной книгой в 1956 г. В нем среди других героев действует и сам автор. Он пишет, что в нескольких тысячах километров от нашей страны, в далеком Вьетнаме, живут люди, близкие нам по своему духу. Поэт подает читателю руку, приглашая его мысленно пройти по тем дорогам, по которым прошел сам, познакомиться с вьетнамскими людьми, с их культурой, бытом, традициями. Сорок семь дней пролетели для него как сорок семь быстро промелькнувших птиц... километров. Когда же поэт возвращался, окрыленный, он думал о нашей Родине. Поэтому и далекие расстояния казались ему близкими. Обо всем, что увидел и почувствовал на вьетнамской земле, автор рассказывает тепло, с трепетом. Он открыто делится мыслями о том, какие трудности испытывает страна, в то же время какие великие свершения творит молодежь этой страны. На то есть ратный и трудовой пример старшего поколения, автор называет их «героическими людьми».

Автор также интересно рассказывает о традициях, о древней своеобразной культуре народа, о его любви к литературе, о выставке аграрной реформы в Ханое и, самое главное, о радостной встрече

с вьетнамскими трудящимися, которые горячо любят нашу страну. На концерты советских артистов люди приезжали из самых дальних деревень, иногда концерты шли по два-три дня. Они устраивались чаще на открытом воздухе и продолжались, несмотря на дождь и непогоду. Об этих незабываемых встречах поэт пишет словами радости и любви, что передали ему тысяч глаз, направленных на него, тепло тысяч рук, протянутых к нему через открытое окно машины. Автора поразило то, что ночью люди работали на рисовых полях.

М. Карим завершает свой путевой очерк со словами: «Воды, горы, пальмовые и бамбуковые леса, деревни и города Вьетнама, его палящее солнце и народ с горячим сердцем, зеленые нивы и люди с душой остаются позади, но не далеко. Эта храбрая и прекрасная страна всегда будет близка моей стране. Вьетнам недалеко...» [11, 88].

В 90-е годы очерк постепенно перестает отражать только злободневные события современности. Некоторые очерки и путевые записи переросли в дальнейшем в документальные повести о героях труда республики. Повесть А. Абдуллина «Белое молоко» посвящена освещению деятельности известного животновода Кильдебая Сулейманова. Повесть С. Поварисова «Когда учишься работать» рассказывает о жизни и деятельности председателя колхоза в Илишевском районе Тимерхана Нажмиева. В таких произведениях, построенных на реальной основе, описаниях явлений действительности, деятельность героев изображается, как в очерке: нет центральной проблемы, способствующей развитию сюжета, раскрытию характера героев, способной связать события в один композиционный узел. Такие произведения образовали литературное явление, стоящее между очерком и повестью.

Как достижения публицистики 90-х гг. необходимо отметить и путевые очерки Р. Султангареева «Под одним солнцем», Р. Хажиева «От Агидели к берегу Заале» и др.

Р. Бикбаев (Равиль Тухватович Бикбаев, 1938–2018) – народный поэт Башкортостана, ученый и публицист, чье имя известно далеко за пределами его родной республики. «Посещение и пребывание во многих республиках Российской Федерации и зарубежных странах оставляют у него незабываемые впечатления и воспоминания, которые впоследствии находят отражение в его путевых очерках, которым характерен не монотонный пересказ увиденного и услышанного, а живое, увлекательное повествование с экскурсами в историю, где реалии путешествия тесно переплетаются с внутренними переживаниями автора, его эмоциональными высказываниями и размышлениями. Свое отношение к увиденному Р. Бикбаев нередко

передает через поэтические строки и крылатые выражения. Ярким примером тому являются путевые очерки об Украине, Кыргызстане, Азербайджане, Турции, Эстонии, Германия, США и Южной Корее» [9, 553]. В 2002 году увидела свет книга под названием «На заре выезжаю в путь», куда были включены различные очерки. В свое время печатались в журналах «Агидель» и «Ватандаш» на башкирском языке. В путевом очерке «Не теряющееся сокровище» [5, 198–208] изложены философские размышления, переживания, мысли, волнующие автора. Во время своей недельной поездки в Турцию в 1998 году автору довелось встретиться со многими интересными людьми, познакомиться с историческими памятниками, среди которых – самая древняя в мире, самая большая в Стамбуле мечеть Султанахмета с шестью минаретами.

Свои переживания и чувства, овладевшие им в этой мечети, он передает так: «О Худай! Какие же гениальные умы, какие золотые руки сотворили эти высочайшие своды, изливающие таинственный голубоватый луч? Из множества окон на ковры, расстеленные на полу, падает мягкий свет. Глаза ослепляют красота и великолепие внутреннего убранства мечети, украшенного разноцветным дорогим фаянсом, драгоценными камнями. Не зная, на чем из этой красоты остановиться, взгляд жадно блуждает, торопится объять все вокруг. Между разноцветьем и узорами возникает какая-то удивительная гармония, и этот мир света своей волшебной голубизной навсегда врывается в душу. Ведь поэтому здешний народ мечеть Султанахмет называет Голубая мечеть (Мави мечеть)» [5, 102]. Размышляя о прошлом и настоящем, Р. Бикбаев утверждает, что между шестью древними минаретами мечети Султанахмет и сегодняшним днем существует удивительная и неуловимая связь. Сравнивая христианские церкви и мусульманские мечети, автор размышляет о христианстве и исламе. Он не собирается противопоставлять эти религии или считать одну религию предпочтительнее или правильнее другой. Писатель говорит о том, что и у христианства, и у ислама высокая и святая цель – воспитание праведности, чистоты помыслов, пробуждение в человеке духовности.

Далее Р. Бикбаев размышляет о возрождающихся в последние годы духовных связях между нашими странами. Восхищаясь искренностью, дружелюбностью, гостеприимством турков, он отмечает, что в этом они схожи с башкирами. С нескрываемой горечью говорит о некоторых негативных явлениях, имеющих место в нашей республике, например, о распространении среди башкир

алкоголизма, незнании родного языка, пренебрежении или равнодушии некоторых к вере.

Во время этого путешествия произошли волнительные и незабываемые для писателя события: посещение могилы Ахметзаки Валиди Тогана, встреча с его детьми – дочерью и сыном Валиди – Исэнбикой и Субедей. Р.Бикбаев с профессорами Исэнбикой Тоган и Субедей Тоганом первый раз встречался еще в декабре 1990 г. во время торжеств, посвященных 100-летию нашего известного земляка, их отца. Самое удивительное и потрясающее – возможность в квартире Исэнбики Тоган услышать с магнитофонной ленты живой голос их отца. Заки Валиди бодрым, четким голосом читает поэтические строки на башкирском языке:

Перепел я, нет у меня гнезда,
Негде спрятать голову,
Куда б ни пошел –
Бытбылдык, бытбылдык (*подражание голосу перепелки – Ф. Ю.*)
Чтобы ястреб не сгубил,
В траве притаился,
Бытбылдык, бытбылдык [5, 115].

Всего несколько строк, а сколько грусти и тоски! Понятно, что З. Валиди, прожив всю свою жизнь на чужбине, не чувствовал себя как дома. Дом для него – это родной Башкортостан, родная земля, отчий дом. Это подтверждают и приведенные в очерке воспоминания Исэнбика-ханым. По её словам, З. Валиди хорошо играл на курае. Пока не построил себе дом, все надеялся вернуться на родину. Когда уже появился свой дом, он обосновался на одном месте, тогда уже понял, что никогда не сможет вернуться на родину. И курай забросил... Да и постарел уже... Как бы ни была тяжела его жизнь, З. Валиди сумел остаться самим собой, не предал своих высоких целей, не свернул с избранного пути. Р. Бикбаев искренне рад и горд тем, что научное наследие З. Валиди вернулось на родину, родному народу, над его именем взошло солнце справедливости, и оно с почестями и славой возвратилось на родную землю.

Таким образом, Р. Бикбаев в своих путевых заметках не ограничивается простым пересказом увиденного и пережитого, здесь большую роль играют философские размышления, основательный и глубокий анализ тех или иных явлений.

В целом, для путевых заметок 90-х гг. характерны композиционная стройность, глубина идейного содержания, философские размышления, яркие впечатления, широкое использование сравнений и других художественных средств

и приемов. На примере путевых очерков можно отметить, что каждый из них представляет собой повествование о времени и судьбе народов разных национальностей со своими традициями, культурами, вероисповеданием и т.д.

К началу XXI века увидели путевые очерки и заметки на страницах журналов «Агидель» и «Ватандаш» Р. Бикбаева «Дневник Америки», Ф. Кузбекова «Тебя увидел, Америка!», Р. Хажиев «Неисчезнувшие следы», К Зиганшина «Джамбо, Африка!», С. Бадретдинова «В стране восходящего солнца» и др.

В настоящее время интернет вносит свои коррективы и в литературу. Традиционные путевые заметки уступают место стремительно развивающейся трэвел-журналистике. В социальных сетях становятся популярными новые и разные записи об интересных путешествиях в различные уголки мира. Поездки, экспедиции, встречи с интересными людьми дают богатый материал для достоверного и вместе с тем художественного описания края; для рассказа об интересных людях, их быте, для размышлений о жизни.

Таким образом, башкирские путевые заметки прошли длительный исторический путь развития. С точки зрения эволюции путевые заметки представляют собой одну из наиболее древних его форм. В башкирской литературе отмечено наличие характерных признаков жанра путевых заметок уже в произведениях башкирских писателей конца XVIII – начала XIX веков Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, М. Уметбаева, Г. Сокооря. Следует отметить также, что путевые заметки печатались не только в виде прозаических произведений, но и зачастую в виде стихотворных текстов, о чем свидетельствуют, например, отрывки путевых заметок А. Каргалы. Не менее интересны при выявлении истоков жанра очерка в башкирской литературе произведения Г. Сокооря, четыре раза совершавшего хадж и оставившего описание своих путешествий в путевых заметках «Насим ас-саба». Произведения, написанные в виде путевых заметок, характерны также и для творчества М. Уметбаева. Они включены в его знаменитую книгу «Ядкяр».

Выводы

Важнейшие события, происходившие в политической, общественной жизни нашей страны в 1990-е годы XX века, оказали большое влияние на башкирскую публицистику и принесли в нее новые веяния. Писатели активно выражали свое отношение к процессам перестройки, демонстрировали новые подходы к освещаемым темам. В результате на страницах периодической печати увидели свет новые статьи, репортажи, беседы, очерки.

Писатели, которые наиболее активно работали в жанре путевых очерков, – это М. Карим, Р. Бикбаев, Р. Хажиев, К. Аралбаев, Ф. Кузбеков, К. Зиганшин, С. Бадретдинова и др. Свои путевые заметки они наполнили новым содержанием, в том числе фольклорным, сумели мастерски донести до читателя свои глубокие философские размышления, наблюдения, выступая при этом не только как путешественники, но и как гости, и писатели.

Подводя итоги можно сказать, что в настоящее время, как было указано выше, место традиционного путевого очерка постепенно занимает трэвел-журналистика, принимая все новые и новые формы. Каждый автор-путешественник стремится привнести в данный жанр что-то свое, новое, используя своеобразные художественные средства, присущие этому жанру, и вместе с тем предоставляя читателям информацию о разных странах, их истории, географии, культуре, искусстве, туризме, этике, философии и многом другом.

Литература

1. Амиров Р. К. На стремнине. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 312 с.
2. Аралбаев К. А. Жемчужина Азии – Алтай // Агидель. 1983. № 12. С. 86–101.
3. Бадретдинов С. М. Живая вода. Уфа: Китап, 2006. 416.
4. Баимов Р. Н. Дружеская неделя в Галле // Агидель, 1984. № 10. С. 108–117.
5. Бикбаев Р. Т. Не потерянное сокровище // Агидель, 1998. № 8. С. 99–120.
6. Бикбаев Р. Т. На заре выезжаю в путь. Уфа: Китап, 2009. 448 с.
7. Бикбаев Р. Т. Дневник Америки // Агидель, 2015. № 3. С. 88–119.
8. Зиганшин К. Ф. Джембо, Африка // Агидель, 2009. № 9. С. 28–54.
9. История башкирской литературы. Т. 3. Литература советского периода (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.). Уфа: Китап, 2015. 696 с.
10. Надергулов М. Х. Стилиевые особенности башкирских исторических сочинений XVI – начала XX века. Уфа: Гилем, 2004. 96 с.
11. Каримов М. С. Вьетнам недалеко. Уфа: Башкнигиздат, 1956. 88 с.
12. Киреев А. Н. Дневник души (Рассказы. Путевые очерки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1971. 224 с.
13. Кузбеков Ф. Т. Тебя увидел Америка // Ватандаш, 2002. № 11. С. 31–38.
14. Уметбаев М. И. Ядкар. / сост., авт. вст. сл. Г. С. Кунафин. Уфа: Башкнигиздат, 1984. 288 с.
15. Рифтин Б. Л. Типология и взаимосвязи литератур // Типология и взаимосвязи средневековых Востока и Запада. Москва: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1974. 574 с.
16. Сокорой Г. Г. Свет лампы / сост. авт. астр. сл. М. Х. Надергулов. Уфа: Китап, 1995. 96 с.

17. Хажиев Р.З. Остаюсь журналистом... Повесть-хроника, путевые заметки, публицистика. Уфа: Китап, 1999. 400 с.
18. Хажиев Р. З. Неисчезнувшие следы //Агидель. 2002. № 1. С. 163–169.
19. Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1965. 416 с.
20. Хусаинов Г.Б. Голос веков. Очерки по истории, теории и исторической поэтике башкирской литературы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. 236 с.
21. Хусаинов Г. Б. Поэтика башкирской литературы. Историческая поэтика. Поэтика национального стиха. Вторая часть. Уфа: Гилем, 2007. 352 с.
22. Фахретдинов Р.Ф. Асар, 1901. Т. 1. Ч. 2. С. 34–35.

REFERENCES

1. Amirov R. K. Na stremnine. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1988. 312 p.
2. Aralbaev K. A. Zhemchuzhina Azii – Altaj // Agidel'. 1983. №12. P. 86–101.
3. Badretdinov S. M. Zhivaja voda. Ufa: Kitap, 2006. 416 p.
4. Baimov R. N. Druzheskaja nedelja v Galle //Agidel',1984. № 10. P. 108–117.
5. Bikbaev R. T. Ne poterjannoe sokrovishhe //Agidel. 1998. №8. P. 99–120.
6. Bikbaev R. T. Na zare vyezshaju v put'. Ufa: Kitap, 2009. 448 p.
7. Bikbaev R. T. Dnevnik Ameriki // Agidel', 2015. №3. P. 88–119.
8. Ziganshin K. F. Dzhambo, Afrika //Agidel', 2009. № 9. P. 28–54.
9. Istorija bashkirskoj literatury. T. 3. Literatura sovetskogo perioda (koniec 50-h – nachalo 90-h gg. HH v.). Ufa: Kitap, 2015. 696 p.
10. Nadergulov M. H. Stilevye osobennosti bashkirskih istoricheskikh sochinenij XVI – nachala HH veka. Ufa: Gilem, 2004. 96 p.
11. Karimov M. S. V'etnam nedaleko. Ufa: Bashknigozdat, 1956. 88 p.
12. Kireev A. N. Dnevnik dushi (Rasskazy. Putevye ocherki. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1971. 224 p.
13. Kuzbekov F. T. Tebja uvidel Amerika // Vatandash, 2002. № 11. P. 31–38.
14. Umetbaev M. I. Jadkar. / sost., avt. vst. sl. G. S. Kunafin. Ufa: Bashknigozdat, 1984. 288 p.
15. Riftin B. L. Tipologija i vzaimosvjazi literatur // Tipologija i vzaimosvjazi srednevekovyh Vostoka i Zapada. Moscow: Izd-vo «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1974. 574 p.
16. Sokoroy G. G. Svet lampy / sost. avt. ast. sl. M. H. Nadergulov. Ufa: Kitap, 1995. 96 p.
17. Hazhiev R. Z. Ostajus' zhurnalistom... Povest'-hronika, putevye zametki, publicistika. Ufa: Kitap, 1999. 400 p.
18. Hazhiev R. Z. Neischeznushie sledy //Agidel. 2002. № 1. P. 163–169.

19. Harisov A. I. Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda. Ufa: Bash. kn. izd-vo, 1965. 416 p.
20. Husainov G.B. Golos vekov. Ocherki po istorii, teorii i istoricheskoy pojetike bashkirskoj literatury. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1984. 236 p.
21. Husainov G.B. Pojetika bashkirskoj literatury. Istoricheskaja pojetika. Pojetika nacional'nogo stiha. Vtoraja chast'. Ufa: Gilem, 2007. 352 p.
22. Fahretdinov R.F. Asar, 1901. T.1. P. 2. P. 34–35.

**THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF TRAVEL NOTES
IN BASHKIR LITERATURE**

F. B. Yunusova

Cand. Sc. (Philology), research fellow at the Department
of Literature studies, Institute of History, language and Literature,
the Ufa Scientific Center, Russian Academy of Science

Abstract

The article deals with the history of the development of Bashkir travel notes of the 18th – late 20th centuries, including such genres as hajname (hajj – pilgrimage to holy places) and sayhatnam (suyəkhut – travel), which appeared in the Middle Ages in connection with travels to holy places. They were printed in the Old Turkic language in the 18th century, and in Bashkir in the 20th century. The first Bashkir writers who turned to these genres were T. Yalsyugul, A. Kargaly, G. Sokoroi, M. Umetbaev, later M. Karim, R. Bikbaev, R. Khazhiev and others.

The article traces the evolution of the genre from the 18th to the end of the 20th centuries using specific examples of travel notes, showing the variety of their forms: letters, reflections, notes. It is also noted that at present the Internet is making adjustments to the literature and travel notes give way to the rapidly developing travel journalism.

The originality of the genre and its poetics are considered in detail. The works of Bashkir writers such as T. Yalsyugul, A. Kargaly, M. Umetbaev, G. Sokoroi, M. Karim, R. Bikbaev, R. Khazhiev et al were used as the research material.

Key words: Bashkir literature, journalism, genre, travel notes, 18th – the end of the 20th centuries, Bashkir writers

Для цитирования: Юнусова Ф. Б. История развития башкирских путевых заметок // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 21–33.

Поступила в редакцию 14.03.2022

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

ББК 74

УДК 372.881.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_34

A. I. Drozhbina¹

*Nizhny Novgorod State Linguistics University
Ul. Minina 31a, Nizhny Novgorod, Russia, 603155
aleksdrozhofficial@mail.ru*

THE ISSUE OF “THE MOZART EFFECT”: RELATION TO EMOTIONAL INTELLIGENCE AND FOREIGN LANGUAGES

There have been conducted several studies according to which listening to classical music, in particular the compositions of W.A. Mozart, can help to improve the quality of learning. They say that due to the fact that it causes positive emotions, increases the ability to concentrate, it can contribute to greater motivation and interest in the subject. There are various scientific points of view regarding “the Mozart Effect”. They are given in this article with the purpose of their analysis in the parallel “music-emotions-language”. Some foreign studies prove that Mozart's compositions can qualitatively affect the results of work in the short term; therefore, they should be used in teaching, especially foreign languages. Due to the fact that music and language are closely related and their combination in the learning process positively affects the speed of studying information, the ability to analyze and synthesize it. At the same time, there are studies that question the "Mozart effect", they criticize previous experiments and point out the ambiguity of their results. In both cases, it is irrefutable that music affects our emotional sphere and can be used to regulate our emotional state and create a safe, working, calm atmosphere that helps us better learn the material. Moreover, emotions caused by certain pieces of classical music can increase motivation to study, causing positive associations with the subject of study. This can be an excellent tool

¹ Drozhbina Aleksandra I., Postgraduate student, Department of methodology of teaching foreign languages, pedagogics and psychology, Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia.

for developing students' emotional intelligence, which will contribute not only to academic, but also to personal growth.

Key words: emotions, emotional intelligence, teaching, languages, music

Globalization launched various processes in all spheres of our life, including education. At the end of the XX century with rapid development of psychology and methodology the process of teaching became highly integrated with other science. Different studies on neurophysiology, psycholinguistics, and psychology of education were held. The results showed that learning process is closely connected with people's emotions and motivation. Many researchers [1; 2; 9] say that emotions play a determinant role in language learning motivation and the most influential causes of emotional experiences reported in the different studies are teachers, peers, speaking skills, teachers' feedback approaches and the learning environment. [8] Emotions can be studied in the framework of *emotional intelligence* defined by Salovey and Mayer as a set of capabilities to process a variety of emotional information, such as perceiving and expressing emotions, supporting emotional thinking, understanding and analyzing emotions, controlling, directing, and regulating emotions. [7; 11] Emotional intelligence is closely related to personality, motivation, social and cognitive characteristics and, consequently, it can't help being studied and developed in order to enhance the results of learning process.

Emotions can be regulated or evoked by music. In the book "Music, the Brain, and Ecstasy" Robert Jourdain makes several meaningful points regarding the competitive positions of language and music, in terms of brain structure and functioning. He points out that although minds communicate through many sorts of symbols and gestures, only language and music operate on a large scale and in great detail. They are like close sisters, music and language help each other in the process of learning human expression, a common goal. Interconnections between the musical and linguistic areas enable music to assist in learning vocabulary and phrases, which tasks are governed by the linguistic intelligence.[4]. So the process of learning can be positively influenced by different methods, including listening to pieces of classical music, for example, to compositions written by W. Mozart.

Firstly, the concept of the "Mozart effect" was described by French Researcher Dr. Alfred A. Thomatis, who suggested that listening to the music of Mozart is healing and incredibly useful for the development of our brain, because it is presented at different frequencies. [16] In 1993

Rauscher, Shaw and Key held an experiment, the result of which showed that Mozart's music temporarily enhances the level of Intellectual Quotient (IQ). [10] In a few years the term "the Mozart effect" was very popularized. Don Campbell in his book "The Mozart Effect for Parents" [3] claimed that "music can enhance a child's skills in academics, feeling-expression, and social connection to family, community, and culture and **unlock his "emotional potential"** of getting along with others, moving, creating, interacting with grace and sensitivity, expressing emotion and relieving stress" [12, 8]. Music also was actively used in **suggestology** created by G. Lozanov. It was a method of accelerative learning of foreign languages. One of the primary activities was reading with music. A teacher would have her students listen and relax while she played music in the background and read from a foreign language text, using emphatic vocal inflection with Classical music such as Mozart, and normal inflection with Baroque such as J.S. Bach [6]. While some researchers believe that this the music that can increase the level of concentration and motivation to learn, other scientists point out that "the Mozart effect" isn't proven enough and that conducted studies have some weak points. For instance, Rauscher has stressed that the Mozart effect is limited to spatial temporal reasoning and that there is no enhancement of general intelligence; some of the negative results, she thinks, may have been due to inappropriate test procedures [13]. The generality of the original positive findings has been criticized on the grounds that any Mozart effect is due to "enjoyment arousal" occasioned by this particular music and would not take place in the absence of its appreciation. [15].

In 2001 researchers William Forde Thompson, E. Glenn Schellenberg and Gabriela Husain published the results of the experiment, devoted to "The Mozart effect". They examined whether it is a consequence of between - condition differences in arousal and mood. There was such an opinion that maybe the secret of the Mozart effect is not in the music itself, but in the condition of comparing it to something else. Since it is obvious that sitting in silence or listening to some relaxation tape (both options were used in previous experiments) is less arousing than listening to exuberant compositions of Mozart, which give one positive emotions that have a good influence on his work. The aim of the investigation was to examine directly the contribution of arousal and mood to the Mozart effect. Two musical pieces were used for the experiment - a Mozart sonata (which expected to induce heightened arousal and positive mood) and an adagio by Albinoni (contrary effect). People (20–60 years) were tested individually in a sound — attenuating

booth. There were three types of conditions: when they sat in silence, when they listened to Mozart' music and then to Albinoni's music. The whole procedure was controlled by a special computer program, which presented the music or silence, provided people with a spatial test and then collected responses.

The first step was to complete the subjective mood-arousal rating and the Profile of Mood States (POMS). So, the emotional set of participants before listening to music/silence was indicated. Secondly, each of them spent 10 minutes, sitting in front of the computer in silence/listening to the music by Mozart (pleasant, energetic) or Albinoni (slow, sad). Then they completed the PF&C task (Paper Folding and Cutting subtest), which consisted of 2 different 17 — item subsets (A&B) ordered from easiest to the most difficult. On each trial participants saw a rectangular piece of paper undergo a series of folding and cutting manipulations. Their task was to choose the correct outcome from them. In addition, there was a time limit of 1 min for each of 17 trials. Then, the participants who had listened to the music provided their enjoyment rating. After that, everybody completed the POMS and subjective mood - arousal rating again. 7 days later, people in the music condition were tested in the silence condition and vice versa.

Having summarized and analyzed all the data, the researchers got the results:

- In the Mozart Group the PF&C was twice higher while listening to the music;
- In the Albinoni Group the PF&C was lower than while listening to the music;
- In the music condition scores were higher in the Mozart Group than in the Albinoni Group on the POMS arousal subscale and on the subjective mood - arousal rating, but lower on the POMS mood (Depression - Dejection) subscale;
- Enjoyment scores were also higher in the Mozart Group.

These results allowed researchers to make the following conclusions:

1. Arousal and mood influence the performance on a variety of cognitive tasks;
2. Music also affects arousal and mood;
3. The performance on the spatial task was better following the music than the silence condition, but only for participants who listened to Mozart;
4. The two music selections induced differential responding on the enjoyment, arousal and mood measures. But when such differences

were held by constant statistical means, the Mozart effect disappeared;

5. The Mozart Effect is an artifact of arousal and mood.

Summing up the results of the study it is concluded that “enjoyable stimuli induce positive effect and heightened levels of arousal, which lead to modest improvements in performance on a variety of tasks” [15, 249].

Therefore, it’s up to teachers whether they include classical music into their methods of teaching their students or not. All in all, studies show that Mozart’s music does have a positive impact on the emotional state of people and it leads to short-term improvement of learning process. Moreover, it can be a tool to create positive, calm, safe learning environment that is appropriate for studying and that can help students to concentrate on the task. Finally, integration of music into the classroom will cause positive emotions that will be associated with learning. That will increase the level of motivation to study.

REFERENCES

1. Borod J. C. The neuropsychology of emotion // Nueva York: Oxford University Press. 2000. 511 p.
2. Bown J., and White C.J. Affect in a self-regulatory framework for language learning // System. Vol. 38. 2010. P. 432–443.
3. Campbell D. The Mozart Effect for Parents: Unlocking the potential of your child // Penguin publishers. New York. 2003. 253 p.
4. Jourdain R. Music, the Brain, and Ecstasy: How Music Captures our Imagination. William Morrow and Company. New York. 2008. 377 p.
5. Jenkins J. S. The Mozart effect // Journal of the Royal Society of Medicine. 2001. Vol. 94,4. P. 170–1722. doi:10.1177/014107680109400404.
6. Lozanov G. An open letter to the international alliance for learning. 1999.
7. Mayer J. D., Salovey P. & Caruso D. H. Emotional Intelligence: new ability or eclectic traits // American Psychologist Journal. 2008. №63. P. 503–517
8. Méndez López M. Las emociones en el aprendizaje de una lengua extranjera: su impacto en la motivación // Revista Internacional de Lenguas Extranjeras - International Journal of Foreign Languages. 2016. Núm. 5, P. 27-46. [Electronic source] URL: <https://raco.cat/index.php/RILE/article/view/316761> (accessed 20.02.2022).
9. Oxford R. L. Expanded perspectives on autonomous learners // Innovation in Language Learning and Teaching. 2015. Vol. 9. P. 58–71.

10. Rauscher F. H., Shaw G. L. Key components of the Mozart effect // *Perceptual and motor skills*. 1998. T. 86. №. 3. P. 835–841.
11. Salovey P., & Mayer J. D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. 9(3). P. 185–211.
12. Stansell J. W. The Use of Music for Learning Languages // *A Review of Literature-Music and Language*. 2018. 41 p.
13. Steele K. M., dalla Bella S., Peretz I., Dunlop T., Dawe L. A., Humphrey G. K., Shannon R. A., Kirby J. L. Jr., Olmstead C. G. Prelude or requiem for the “Mozart effect” // *Nature*. 1999 Aug 26; 400(6747). P. 826–828. [Electronic source] URL: https://www.researchgate.net/publication/12823070_Prelude_or_requiem_for_the_'Mozart_effect' (accessed 20.02.2022).
14. Swartz L., Nilsson N. The “Mozart Effect”: Does Mozart Make You Smarter // *Accessed on March*. 2005. T. 17. C. 2018.
15. Thompson W. F., Schellenberg E. G., Husain G. Arousal, mood, and the Mozart effect // *Psychological science*. 2001. Vol. 12. №. 3. P. 248-251.
16. Tomatis A., Keeping F. The ear and the voice // Scarecrow Press. 2005. 160 p.

**«ЭФФЕКТ МОЦАРТА» И ЕГО СВЯЗЬ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ
ИНТЕЛЛЕКТОМ И ИЗУЧЕНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Александра Ильинична Дрожбина,

аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков,
педагогике и психологии,

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия)

Abstract

Были проведены исследования, согласно которым прослушивание классической музыки, в частности произведений В. А. Моцарта, может улучшать качество обучения. Это связано с тем, что такая музыка вызывает положительные эмоции, повышает способность к концентрации, что вкпе способствует бóльшей мотивации и заинтересованности в предмете. В данной статье приведены различные научные точки зрения относительно «эффекта Моцарта», которые анализируются в параллели «музыка-эмоции-язык». Некоторые зарубежные исследования доказывают, что композиции Моцарта могут качественно повлиять на результаты работы в краткосрочной перспективе, поэтому должны использоваться

при обучении, в том числе и иностранным языкам. Это связано с тем, что музыка и языки тесно связаны между собой и их сочетание в процессе обучения положительно влияет на скорость усвоения информации, способность ее анализировать и синтезировать. В то же время есть исследования, которые подвергают сомнению «эффект Моцарта», критикуя предшествующие эксперименты, говоря о неоднозначности их результатов. В обоих случаях неопровержимым является тот факт, что музыка влияет на нашу эмоциональную сферу и может быть использована для регулирования эмоционального состояния и создания безопасной, рабочей, спокойной атмосферы, помогающей лучше усвоить изучаемый материал. Также эмоции, вызванные определенными произведениями классической музыки, могут повысить мотивацию к учебе, вызывая положительные ассоциации с предметом обучения. Это может быть хорошим инструментом для развития эмоционального интеллекта учащихся, который будет способствовать не только академическому, но и личностному росту.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоции, музыка, иностранный язык, обучение языкам

Для цитирования: Дрожбина А. И. «Эффект Моцарта» и его связь с эмоциональным интеллектом и изучением иностранных языков // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 34–40.

Поступила в редакцию 15.03.2022

РАЗДЕЛ III. ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 84

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_41

***Е. Г. Постникова*¹**

ORCID: 0000-0001-8877-2328

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
ekaterinapost@mail.ru*

ЛАГЕРНАЯ ПОЭМА БОРИСА РУЧЬЕВА «ПОЛЮС»: К ИСТОРИИ ТЕКСТА

Цель статьи — текстологическое исследование и реконструкция первого варианта поэмы Бориса Ручьева «Полюс», введение в научный оборот ранее не опубликованного варианта вступления к поэме. Комбинация литературоведческих сравнительно-исторического и биографического методов позволяет взглянуть на трагический период истории России, связанный со сталинскими репрессиями, сквозь призму личной истории, изложенной поэтом в образных формах, выявить специфику лагерной поэзии Ручьева. Актуальность предпринятого исследования определяется малоизученностью лагерной поэзии Бориса Ручьева. В архивных документах магнитогорской поэтессы Н. Г. Кондратовской был обнаружен не изданный ранее рукописный вариант вступления к поэме Б. Ручьева «Полюс» с автографом поэта. В этом, скорее всего, первом варианте документальная функция преобладает над эстетической. Тогда как в последующих, подготовленных к печати, процензурированных вариантах этого текста правка идет в сторону усиления художественности и ослабления эмоциональности, экспрессивности. Текст вступления к поэме «Полюс» Б. Ручьева, являясь одним из шедевров лагерной поэзии, содержит в себе

¹ Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ЛФИС НИИ исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

типичные черты «лагерной литературы»: биографический характер, обусловленный личным опытом; документальность (художественный документ о человеке); художественный образ лагеря как особого пространства (лагерь-остров, архипелаг); образ зоны как ада; философское осмысление человека в ситуации «несвободы», ситуации «экзистенциального выбора», одиночества, брошенности, растерянности.

Ключевые слова: лагерная поэзия, потаенная литература, Борис Ручьев, Магнитострой, советская культура

Постановка проблемы и история вопроса

В постсоветский период в отечественном литературоведении достойное место заняли исследования «потаенной литературы», лагерной поэзии и прозы узников архипелага ГУЛАГа. Здесь, конечно, стоит отметить заслугу литературоведа Л. Н. Таганова, который первым показал поэзию ГУЛАГа как однородный корпус поэтических текстов и включил его в этом качестве в более широкий контекст русской литературы XX в. [17; 18]. История формирования представления о лагерной прозе в литературоведении подробно рассматривается в работе Л. С. Стариковой [16]. Отметим, что в литературоведении последних лет выделяются два подхода к лагерной литературе. С одной стороны, данный корпус текстов «рассматривается как материал для изучения статуса поэтического слова как эстетического средства, способного дать историческое (и художественное, шире – культурное) свидетельство о советской концентрационной системе» [9]. Например, исследователь Пьералли, работая с такими текстами, выявляет художественные приемы, при помощи которых осуществляется свидетельская функция [9]. Другие исследователи концентрируют свое внимание на экзистенциальных мотивах в творчестве репрессированных, оказавшихся в ситуации «пограничья», между жизнью и смертью, перед «экзистенциальным выбором» [6].

«Лагерная тема» является важнейшей частью творческого наследия «певца Магнитостроя» поэта Бориса Ручьева. К сожалению, этой частью наследия поэта занимался только один, ныне покойный уральский литературовед и биограф Бориса Александровича Лидия Петровна Гальцева, которой принадлежит заслуга публикации не опубликованных при жизни поэта лагерных стихов и писем, а также первая попытка анализа этих текстов [2]. Причем публиковались статьи Гальцевой с большой задержкой, например, в 2004 году в «Вестнике Челябинского гос. университета» появилась статья,

отправленная туда в 1995 году [3]. Современных литературоведов гораздо больше увлекают темы труда, любви, памяти в наследии магнитогорского «гения места», автора знаменитого «Мы жили в палатках...» [7; 4; 10]. Актуальность предпринятого исследования определяется малоизученностью лагерной поэзии Бориса Ручьева. Цель статьи – текстологическое исследование и реконструкция первого варианта поэмы Бориса Ручьева «Полюс», введение в научный оборот ранее не опубликованного варианта вступления к поэме.

История находки и варианты текста

Весной 2018 г. в Библиотеке имени Н. Г. Кондратовской (г. Магнитогорск) при разборе бумаг Нины Георгиевны, старых документов и разнарядок на фольклорную практику была найдена тетрадь с рукописью, написанной мелким убористым почерком явно не рукой поэтессы. При более пристальном рассмотрении было установлено, что перед нами единственная сохранившаяся рукопись поэмы Бориса Ручьева «Полюс», подлинный авторский автограф с подписью поэта и датой 5 мая 1957 г. Позднее рукопись была передана в Магнитогорский историко-краеведческий музей [11]. Есть все основания утверждать, что эту рукопись Борис Ручьев оставил на хранение своей давней «боевой» подруге, своему товарищу Нине Георгиевне. В эту же тетрадь вложен листочек, на котором рукой Кондратовской переписано стихотворение Ручьева «Медведь» («По слухам, поднимаясь из берлоги»). То, что именно Нине Кондратовской Борис Ручьев доверил свое лагерное поэтическое наследие, показывает, насколько верной и глубокой была эта дружба одноклассников по курганской школе и соратников-поэтов Магнитостроя.

Перед тем как говорить о самой поэме, следует вспомнить о том, что поэт Борис Ручьев (1913–1973) прибыл в Магнитогорск в октябре 1930 г. Работая плотником-бетонщиком, он стал одним из организаторов литературного объединения «Буксир», литсотрудником молодежной газеты «Магнитогорский комсомолец» и певцом «Магнитостроя». В 1932 г. Б. Ручьева направили на II Всероссийское совещание молодых поэтов (так называемые Малеевские курсы).

26 декабря 1937 г. Борис Ручьев был арестован в Златоусте по клеветническому обвинению в контрреволюционном преступлении, репрессирован. Мидихан Котлухужин в книге «Где вставало «Красное солнышко» так рассказал историю его ареста: «Молодой талантливый поэт выпустил первую книжку стихов. Получил гонорар и шумно отметил светлое событие в какой-то златоустовской чайной.

Подогретый хмельным, расхвастался: дескать, у него денег куры не клюют. Да он вообще на них плюет. Вытаскивает из внутреннего кармана пиджака мятую пачку купюр и плюет на них. А в довершение бросал деньги на пол и презрительно топтал их.

На следующий же день поэт отвечал на вопросы следователя НКВД.

– Ты на Ленина плевал?

– Да что вы! И в мыслях такого быть не может.

– А портрет Ленина топтал? <...> Но ты деньгами сорил, плевал на них, даже топтал. А чей здесь портрет нарисован?

Вот так по-глупому и попал Ручьев в лагеря» [5, 4].

Свой срок заключения с 1938 по 1947 г. Ручьев отбывал в Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР на Крайнем Севере. Вернулся в любимую Магнитку поэт-первостроитель только в 1957 г. Тогда же он и подарил Нине Георгиевне или дал на сохранение рукопись вступления к поэме «Полюс».

Этот начальный отрывок поэмы, как известно, был опубликован только после смерти поэта в журнале «Урал» № 6 в 1988 г и в газете «Магнитогорский рабочий» в номере от 16 июня 1987 г. В «Урал» рукопись готовила к публикации литературовед Лидия Гальцева [12]. Под публикацией стоят даты 1942–1945. В журнале «Сибирские огни» № 7 за 1973 г., видимо, еще при жизни поэта Лидия Гальцева в своей статье «Огневое ремесло поэта. О творчестве Б. Ручьева» привела два небольших отрывка из «Полюса» [2].

В сети интернет размещены две версии текста с незначительными отличиями. Первый подготовлен Л. Гальцевой для журнала «Урал». Второй вариант размещен на сайте «Музей шансона» и, скорее всего, не может считаться оригинально-авторским [13]. В найденном нами варианте, хранившемся у Н. Г. Кондратовской, есть существенные разночтения с этими известными вариантами текста.

Сравнительно-сопоставительный анализ вариантов текста с точки зрения поэтики

Поэзия Ручьева засвидетельствовала эволюцию авторского сознания, трансформацию «Я» поэта от юного, звонкого, дерзкого, залихватски-самоуверенного, даже самовлюбленного, «удачливого» парня, которому, как ему кажется, «завидует» черной завистью его собственный дед, казак, старый вояка («Ты же, не хваля и не ругая, как завистник смотришь на меня» из «Зависть» 1933 г. [15, 6]), Ручьева-юнца, который испытывает восторг от самого себя и своей

роли творца нового, залитого солнцем мира, до тяжелого одичалого медведя-шатуна, страдающего бессонницей, одиноко бродящего в снежной пурге («По слухам, поднимаясь из берлоги...» [14, 131]). «Полюс» – это ключевой, переломный этап личностной эволюции поэта.

Ситуация лагеря, в котором оказывается поэт, – это чрезвычайная, пограничная ситуация, ситуация экзистенциального выбора. В ситуации такого выбора человек оказывается в точке пересечения двух или нескольких несогласованных, живущих каждая по своим законам действительностей. Молодой поэт в результате ареста и лишения гражданских прав оказывается в «пограничной ситуации» между двух миров: «прошлым», понятным, светлым и «настоящим» адским, унижающим человеческое достоинство, абсурдным.

Доминантная тема «Полюса» – это тема потери, утраты Родины (советского Урала и Магнитки, первостроителем которой он являлся). Поэт трагически переживает свою оторванность от Родины, от идеала. Певец новой социальной реальности, он теперь лишен даже права на советские идеологические ценности («здесь на флаг утрачены права»). Поэт оказывается в маргинальном сообществе, чуждом, враждебном ему мире, где царят философия и моральные установки преступного мира. Зона в его восприятии – это остров между мирами: прошлым и будущим, жизнью и смертью, это иномирие.

В том краю, где я живу, – не просто
Родину зовут Материком.
Колыма моя – *безвестный остров*,
Даже пароходам не знаком
На домах у нас не выются флаги
Здесь на флаг утрачены права.
Жизнь идёт, как на архипелаге,
Ибо – *зоны – те же острова* [11, 1].

На зоне-острове поэт оказывается один против всех. Это одиночество и противопоставленность миру лагеря проявляется в преобладании местоимения первого лица единственного числа «Я» («Я пошел, дрожа, по снежной пыли <...> Я ж дрожал ночами без постели <...> Хлеба я просил до слез голодный <...> Сколько горя от людей я видел <...> И тогда запомнил я навеки» [11, 1-2]). Есть только «я» и «они». «Мы» осталось в Магнитке («Мы жили в палатках с зеленым оконцем» из «Песни о брезентовой палатке» [14, 92]). Здесь поэту абсолютно не с кем объединиться, нет того сообщества, которого он бы мог стать частью, идентифицироваться с ним. В этом проявляется и идеологическое противопоставление Ручьева всему лагерному. Поэт подчеркивает, что он здесь случайно, по ошибке,

несправедливо осужден. Он не враг народа, он не политический и не зек. Это одиночество в беде. Нет «мы», нет коллективного «Я», как у других поэтов-лагерников, например, у А. Жигулина, спецификой поэзии которого является «единое сознание лагерных заключенных – коллективное «Я» (выраженное, как правило, местоимениями 1 лица множественного числа), которое руководствуется нравственным императивом» [6, 38].

И все же такие обороты, как «мой», «свой» («Полюс *мой*», «*мой* остров», «Колыма *моя*», «Я попал на этот остров *свой*») говорят о ситуации принятия. Этот страшный иномирный остров с его жуткими обитателями стал частью личной судьбы поэта, его внутреннего мира, как бы он ни старался на уровне сознания отвергнуть его, чуждая поэту философия проникает через подсознание, что выдается в совершенно несвойственной для Ручьева жаргонной экспрессивной лексике, появляющейся в поэме, и той агрессии и злобе, которая вдруг прорывается в рукописном тексте «Полюса».

Герой попадает в чужой мир, идеологически и ценностно чуждый ему, говорящий на арго. Его, как человека, чувствующего магию слова, поначалу коробит воровская лексика, воровские жаргонные словечки, мат режет слух. У воров «даже рты как язвы от поганных непристойных слов»:

*Хищный сброд калек людеобразных;
Вечно даром бравших хлеб и кров.
У которых даже рты, как язвы,
От поганных, непристойных слов* [11, 2].

Но и в его рассказе об этом мире появляется подобная лексика: шулеришки, шестерки, тузы биты (не в играх, «в битвах»), «по закону здесь живет» (имеется в виду воровской закон), «заморский крап» (имеется в виду особая разметка рубашки карт условным способом, употребляемая шулерами).

Шулеришки и антисемиты,
Чьи мозги прожег заморский крап,
чьи тузы, не в играх – в битвах биты,
зубы редки, руки как у баб;
Все, кто волком рыскал по России,
Сытой вошью ползал без забот...
Словом, перечислить я не в силе,
Всех, кто по закону здесь живет,
За ограду жадным взором глядя,
Пайку получив за чёрный труд,
Здесь, всяя Руси великой, – б...

Самые бесстыжие живут [11, 2].

«Б... бесстыжие» – это, конечно, об урках. Возможно, это синоним слова «суки», которое на воровском жаргоне означает преступники, порвавшие с ворами «в законе», предатели преступников [1, 35].

Зона, по Ручьеву, – это загон, для «двуногой, злой как волк, овцы». Образ построен на внутреннем противоречии, на соединении несоединимого, подчеркнем его оксюморонность.

Зона – это как загон овечий,
Для двуногой, злой как волк, овцы
Под штыками в зону каждый вечер
Загоняют жителей бойцы [11, 2].

Здесь мы видим характерный для лагерной поэзии мотив раздвоенности личности: с одной стороны, человек – жертва, овца, раб, с другой стороны, он же зверь, волк. Осознание звериной природы в себе, которую и рождают, вытаскивают из человека и загоняют внутрь его «штыками» – открытие человека в ситуации экзистенциального выбора [8].

С одной стороны, мы видим неприятие воровского лагерного мира, а с другой стороны, свидетельство того, насколько этот мир проник, внедрился в «Я» поэта. Обратим внимание на последнюю строфу поэмы.

И спокойно вижу взглядом острым
Как в краю снегов, со всех концов
Окольцован, будто в море остров
Страшный мир б... и подлецов.

Начало поэмы «Полюс»

Б. Ручьев

5/V 57 г.» [11, 4].

В публикации Л. Гальцевой, подготовленной для журнала «Урал», это четверостишие выглядит по-другому:

И спокойно вижу взглядом острым,
Как в краю снегов, со всех концов –
Окольцован, будто в море остров,
Страшный мир последних подлецов [12, 144].

В интернет-версии с сайта «Музей шансона» появляется новая строчка:

И спокойно вижу взглядом острым –
Взгляд у эка бритвенно остёр –
Окольцованный снегами «остров»,
Страшный мир среди молчащих гор [13].

Полус – это водораздел между Я «до» (молодой, зеленый) и Я «после» («взгляд у ээка бритвенно остер»). Котлухужин пишет: «Даже здесь Борис Ручьев остается неисправимым романтиком в своей надежде, что «последние подлецы» так и останутся в «краю снегов» на «окольцованном острове» [5, 51]. Сравнивая варианты текста, можно увидеть, как тяжело поэту давался этот «романтизм». Самое страшное открытие – открытие внутренней другой природы человека вообще и другой темной стороны в себе: «До чего ж гноится в человеке *ядовитой яростью* душа!», в другом варианте «злобою».

И тогда запомнил я навеки,
Увидя годами не спеша –
До чего гноится в человеке
Ядовитой злобою душа!» [11, 4].
«И тогда запомнил я навеки,
Разглядев с годами, не спеша –
До чего ж гноится в человеке
Ядовитой яростью душа! [12, 144].

Не дает душе умереть, спасает в христианском значении этого слова только труд. Труд как спасение – это и есть та идея, которая объединяет все варианты текста. Труд для лирического героя, первостроителя Магнитки, – это и воля, и жизнь, и рассвет, это то, что не дает ему «оскотиниться», спасает душу от разложения, от «ада» лагерного быта. Сравним:

Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле придушив, готовый в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
На рассвете в каменный забой» [11, 3].
«Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
Как на *волю* – в каменный забой» [12, 143].
«Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предутреннюю стужу
Снова к *жизни* – в каменный забой [13].

В «Полусе» передается ужас, который переживает поэт. Это ужас от несправедливости произошедшего с ним («Ни при чем тут я, скажу по чести / Человек душевный и простой» [11, 3], или «Но при чём тут я? По чьей-то мести» [12, 143]). Но он нигде не высказывает сомнения в справедливости советского строя в целом.

Выводы

Уверены, что текст, найденный в документах Кондратковской, переданный ей на хранение самим Ручьевым, – это и есть первый вариант «Полюса». В пользу данного предположения говорит его «непричесанность» в художественном плане, его эмоциональность и избыточная экспрессивность:

Он, как свежая рана, еще кровоточит.

Современные исследователи подчеркивают, что именно в лагерной поэзии ярче всего проявляется статус литературы как свидетельства. Поэзия в условиях советской концентрационной системы приобретает статус документа. Исследователь К. Пьерелли отмечает: «Из приведенных наблюдений следует заключить, что поэтические тексты, созданные в условиях заключения, имеют определенное отношение к условиям порождения текста как свидетельства, <...> прежде всего мы говорим о литературном творчестве, имеющем определенные формальные характеристики, среди которых употребление относительно простого языка, соответствие лирического Я тому Я, переживающему опыт репрессий, преобладание документальной функции над эстетической функцией» [9, 149].

В варианте вступления к поэме Бориса Ручьева «Полюс», сохраненном Н. Г. Кондратковской, документальная функция преобладает над эстетической. Передавая детали своего первого столкновения с миром воров в колонии, поэт не очень тщательно работает над эстетикой слова. Для него важнее выразить эмоцию: шок, ужас и обиду от несправедливости. Тогда как в последующих, подготовленных к печати, процензурированных вариантах этого текста правка идет в сторону усиления художественности и ослабления эмоциональности, экспрессивности.

В целом можно заметить, что текст вступления к поэме «Полюс» Б. Ручьева, являясь одним из шедевров лагерной поэзии, содержит в себе типичные черты «лагерной литературы»: биографический характер, обусловленный личным опытом; документальность (художественный документ о человеке); художественный образ лагеря как особого пространства (лагерь-остров, архипелаг); образ зоны как ада; философское осмысление человека в ситуации «несвободы», ситуации «экзистенциального выбора», одиночества, брошенности, растерянности.

Литература

1. Бирих А. Трансферы криминальной субкультуры в русской поэзии конца XX – начала XXI века // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 29–39.
2. Гальцева Л. П. «Огневое ремесло поэта. О творчестве Б. Ручьева» // Сибирские огни». 1973. №7. С.163–172.
3. Гальцева Л. П. «Жизнь идет, как на архипелаге...» (каторга и ссылка в жизни и творчестве Б. Ручьева) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 2. С. 5–14.
4. Грамматчикова Н. Б., Рожкова Т. И. Конструирование идентичности в рабочей поэзии Магнитки: память как ресурс // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С.14–21.
5. Котлухужин М. А. Где вставало «Красное солнышко». К 90-летию со дня рождения Б. А. Ручьева. Магнитогорск, 2003. 82 с.
6. Маджидова А. Ю. Экзистенциальные мотивы в лагерной поэзии Анатолия Жигулина первой половины 1960-х гг. // Вестник Социально-педагогического института. 2017. №3. С. 37–44.
7. Малек В. Е. Человек и страна в поэзии Б. А. Ручьева // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2021. №1 (19). С.24–27.
8. Папуш М. Психотехника экзистенциального выбора. Москва: «Институт общенаучных исследований», 2001. 544 с.
9. Пьералли К. Поэзия Гулага как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования //Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 144–163.
10. Рыжкова-Гришина Л. В. Творчество Бориса Ручьева: отражение времени и устремленность в будущее // Российский научный журнал. 2017. № 5 (57). С. 160–199.
11. Ручьев Б. Полос (рукопись поэмы) // МКУК «Магнитогорский историко-краеведческий музей». Научно-вспомогательный фонд музея. Шифр 6757/22. 28 с.
12. Ручьев Б. Полос // Урал. 1988. № 6. С. 143–144.
13. Ручьев Б. Полос // Музей шансона [Официальный сайт] / URL:http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/narod/wP/p16/polyus_otyvok_iz_poe_myi_avtor_boris_ruchyov.html (дата обращения: 4.04.2022).
14. Ручьев Б. А. Собрание соч.: в 2 т. Т. 1. Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 1978. 295 с.
15. Ручьев Б. А. Собрание соч.: в 2 т. Т. 2. Челябинск: Юж.-Урал. Кн. Изд-во, 1979. 231 с.

16. Старикова Л. С. «Лагерная проза» в контексте русской литературы XX века: понятие, границы, специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2 (62). Т. 4. С. 169–174.
17. Таганов Л. Н. «Как дух наш горестный живуч...»: статьи, эссе, воспоминания, письма, заметки из литературного дневника, стихи. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. 332 с.
18. Таганов Л. Н. Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А. Ю. Морыганов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80–87.

REFERENCES

1. Bierich A. Transfery kriminal'noj sub#kul'tury v russkoj poezii konca XX – nachala XXI veka [Transfers of Criminal Subculture into Russian Poetry at the End of the 20th - The Beginning of the 21st Century] // Kritika i semiotika [Critique & Semiotics]. 2019. № 1. P. 29–39.
2. Gal'ceva L. P. «Ognevoe remeslo poeta. O tvorchestve B. Ruch'eva» // Sibirskie ogni». 1973. №7. P. 163–172.
3. Gal'ceva L. P. «Zhizn' idet, kak na arhipelage...» (katorga i ssylka v zhizni i tvorchestve B. Ruch'eva) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. Т. 2. P. 5–14.
4. Gramatchikova N. B., Rozhkova T. I. Konstruirovanie identichnosti v rabochej poezii Magnitki: pamjat' kak resurs [Construction of Identity in Magnitka's Working Poetry: Memory as Resource] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Journal]. 2019. № 2 (63). P. 14–21.
5. Kotluzhin M. A. Gde vstavalo «Krasnoe solnyshko». K 90-letiju so dnja rozhdenija B. A. Ruch'eva. Magnitogorsk, 2003. 82 p.
6. Madjidova A. Ju. Jekzistencial'nye motivy v lagernoj poezii Anatolija Zhigulina pervoj poloviny 1960-h gg. [Existential Motives in the Camp Loser Poetry of Anatoly Zhigulin in the First Half of the 1960] // Vestnik Social'no-pedagogicheskogo instituta. 2017. №3. P. 37–44.
7. Maleko V. E. Chelovek i strana v poezii B. A. Ruch'eva // Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii. 2021. №1 (19). P. 24–27.
8. Papush M. Psihotecnika jekzistencial'nogo vybora. Moskva: «Institut obshhenauchnyh issledovanij», 2001. 544 s.
9. P'eralli K. Pohezija Gulaga kak literaturnoe svidetel'stvo: teoreticheskie i jepistemologicheskie obosnovanija // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. P. 144–163.
10. Ryzhkova-Grishina L. V. Tvorchestvo Borisa Ruch'eva: otrazhenie vremeni i ustremlennost' v budushhee [Boris Ruchyov

Creativity: Time Reflection and Successful in the Future] // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2017. № 5 (57). P. 160–199.

11. Ruch'ev B. Poljus (rukopis' pojemy) // MKUK «Magnitogorskij istoriko-kraevedcheskij muzej». Nauchno-vspomogatel'nyj fond muzeja. Shifr 6757/22. 28 p.

12. Ruch'ev B. Poljus // Ural. 1988. № 6. P. 143–144.

13. Ruch'ev B. Poljus // Muzej shansona [Oficial'nyj sajt] / URL:http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/narod/wP/p16/polyus_otryivok_iz_poemyi_avtor_boris_ruchyov.html (data obrashhenija: 4.04.2022).

14. Ruch'ev B. A. Sobranie soch.: v 2 t. T. 1. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. Kn. Izd-vo, 1978. 295 p.

15. Ruch'ev B. A. Sobranie soch.: v 2 t. T. 2. Cheljabinsk: Juzh.-Ural. Kn. Izd-vo, 1979. 231 p.

16. Starikova L. S. «Lagernaja proza» v kontekste russkoj literatury XX veka: ponjatije, granicy, specifika [The "Camp Prose" in the Context of the Russian Literature of the 20 Th Century: Concept, Framework, Specificity] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2015. №2 (62). T. 4. P. 169–174.

17. Taganov L. N. «Kak duh nash gorestnyj zhivuch...»: stat'i, jesse, vospominanija, pis'ma, zametki iz literaturnogo dnevnika, stihi. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2010. 332 p.

18. Taganov L. N. Potaennaja literatura: poezija GULAGA // Voprosy ontologicheskogo pojetiki. Potaennaja literatura. Issledovanija i materialy / sost. A. Ju. Moryganov. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 1998. P. 80–87.

BORIS RUCHEV'S CAMP POEM "THE POLE": THE HISTORY OF THE TEXT

Yekaterina G. Postnikova

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.

Abstract

The aim of this article is to undertake textual research and reconstruction of the first variant of Boris Ruchev's poem "The Pole", as well as to present a previously unpublished variant of the introduction to the poem. The combination of comparative-historical and biographical methods allows us to look at the tragic period in Russian history, associated with Stalinist repressions, through the prism of personal history, presented by the poet in imagery, and to reveal the specificity of Ruchev's camp

poetry. The importance of the undertaken study is determined by the fact that the camp poetry of Boris Ruchev is insufficiently researched. An unpublished handwritten variant of the introduction to Ruchev's poem "The Pole" with an autograph of the poet was found among the archival documents of Magnitogorsk poetess N. G. Kondratkovskaya. In this, most likely, first version, the documentary function prevails over the aesthetic one. While in the later, ready-for-press, censored versions of this text, the edits aim at strengthening the artistic aspect and weakening the emotional aspect and expressiveness. The introduction to B. Ruchev's poem "The Pole" is one of the masterpieces of camp poetry, it possesses typical features of "camp literature": biographical nature determined by personal experience; documentality (an artistic document about a person); the artistic image of the camp as a special space (a camp-island, an archipelago); the image of the camp as hell; philosophical reflection on man in the situation of "unfreedom", the situation of "existential choice", loneliness, abandonment, confusion.

Key words: camp poetry, hidden literature, Boris Ruchev, Magnitostroy, Soviet culture, literature of the Urals.

Для цитирования: Постникова Е. Г. Лагерная поэма Бориса Ручьева «Полюс»: к истории текста // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 41–53.

РАЗДЕЛ IV. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

УДК 821.161.1
ББК 83.3

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_54

И. С. Лотова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
Lotovainna@mail.ru*

К. Н. Савельев²

*ORCID: 0000-0003-4741-9346
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
savakos@mail.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ ТРОЯНСКОГО МИФА В ЛИТЕРАТУРНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается рецепция античного мифа в литературно-коммуникативном пространстве XX века. Сюжеты Троянского цикла, образы героев и богов, их действия и поступки, а также насыщенный событийный ряд «невыдуманной» войны неоднократно становились объектом пристального внимания авторов различных эпох, но именно на рубеже XX–XXI вв. обращение к троянскому мифу становится более осмысленным, что связано с изменениями нравственно-эстетических ориентиров, кризисными явлениями в жизни общества и поиском новых идеалов.

Мифы Древней Греции, по справедливому замечанию В. А. Бачинина, никогда не утратят читательского и писательского интереса, несмотря на постоянно меняющиеся исторические условия.

¹ Лотова Инна Сергеевна, магистрант 2 курса Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

В современном мире, в эпоху стремительного развития глобальной сети, античная мифология обрела второе дыхание: греческие герои стали любимыми персонажами компьютерных игр, фанфикшн, киноэпопей и мемов. Современные писатели также все чаще обращаются к идеалам прошлого, к античным совершенным образам, пытаясь трансформировать их под реалии настоящего времени с помощью художественной рецепции. Процессы пересоздания и воссоздания персонажей имеют непосредственное значение для обнаружения литературных явлений, влияний и взаимосвязей. И поскольку образы греческих героев получили совершенно различное осмысление в литературно-коммуникативном пространстве XX века, то перед авторами статьи возникла новая задача: рассмотреть их более детально и комплексно и проанализировать их особенности.

Ключевые слова: миф, античная мифология, образ, герой, рецепция, литературно-коммуникативное пространство

Введение

Цикл мифов о Троянской войне всегда был популярен в культуре различных стран, но именно в европейской литературе он занял особое место. Это связано с исторической преемственностью: греческая культура служила духовной опорой Европы в сложные моменты истории, а образы героев с их моральными качествами выходили за пределы античности, оставаясь актуальными и в современную эпоху [11, 54]. По мнению В. А. Бачинина, «родовая эпоха обеспечила мифам вторую, третью, четвертую и т. д. жизнь в постоянно меняющихся исторических условиях», а их нравственная основа осталась неизменной [2, 24].

Все современные сюжеты в литературе о троянской войне своими корнями уходят в античные источники и в первую очередь – к поэмам Гомера «Илиада» и «Одиссея». «Илиада» Гомера рассказывает о причинах, ходе и итогах греко-троянской войны. «Одиссея» посвящена возвращению прославленного греческого героя, царя Итаки, к себе на родину. Данное событие упоминается также и в других античных источниках: у Гесиода в «Теогонии» (VIII–VII вв. до н.э.), у Эсхила в «Орестее» (458 г. до н.э.), у Квинта Смирнского в «Постгомерике» (IV в. до н.э.), у Вергилия в «Энеиде» (19 г. до н.э.).

В эпоху Поздней Римской империи произведения о Троянской войне писались на латыни, первое и самое известное – «Дневник Троянской войны» Диктиса Критского, второе – «История о разрушении Трои» Дарета Фригийского. В них излагался

событийный ряд, а персонажи мало чем отличались от героев гомеровских поэм.

В раннем Средневековье, когда произошел упадок культуры, а церковь жестоко преследовала всех за несоблюдение христианских догм, интерес к античным мифам убавился, но, несмотря на это, сюжеты троянского цикла косвенно затрагивались в хрониках и историях европейских народов (например, в «Истории королей Британии») [14].

Возрождение интереса к греко-троянской войне произошло в XIII веке в связи с распространением такого жанра, как рыцарский роман. Авторы данных произведений перерабатывали античные сюжеты, вплетая их в современные реалии и наделяя своих героев качествами, присущими Ахиллесу, Елене, Приаму, Гектору и т. п. Самой известной средневековой повестью о войне между греками и троянцами стала «История разрушения Трои» Гвидо де Колумны. Отличительной чертой этого произведения являлось обилие авторских отступлений и нравов учений, что отразилось на стиле: «текст сочетал в себе простую сюжетную канву и высокопарные внесюжетные вставки» [12]. Несмотря на это книга пользовалась огромной популярностью и была неоднократно переведена на многие европейские языки.

Основная часть

В XX веке античные мифы, как и поэмы Гомера, были значительно переосмыслены авторами, греческие и троянские герои не просто стали вплетаться в произведения, а приняли совершенно иной образ, отличный от оригинала.

Открывает плеяду таких произведений роман ирландского писателя Д. Джойса «Улисс», в котором автор соотносит героев современности с мифическими персонажами. В книге все символично, и мифология в ней играет роль дополнительной базы, с помощью которой материал можно интерпретировать [7].

В пьесе 1935 г. «Троянской войны не будет», написанной французом Ж. Жироу, сюжеты троянского цикла мифов изображены достаточно вольно, а главная проблема произведения – это сама война, которую невозможно предотвратить [8]. Образ троянского царевича Гектора является в произведении ключевым, именно он говорит о бессмысленности принесенных войной жертв. Гектору противопоставляется Елена, которая представлена как холодное и совершенно бездушное существо, лишённое пленительности, нежности, красоты, чувственности – всех тех качеств, которыми наделял ее Гомер. Царица Спарты – это герой-конформист, безразличный ко всему. Ее не трогают речи Париса, а к судьбе народа

Трои она равнодушна; то, что Парис принимает за искренность, всего лишь безучастность: «Парис. Елена, дорогая, вот Гектор. У него есть планы насчет тебя, планы очень простые. Он хочет вернуть тебя грекам и доказать тебе, что ты меня не любишь... Скажи мне, прежде чем вы останетесь вдвоем, что ты любишь меня... Скажи мне так, как ты думаешь. Елена. Я обожаю тебя, дорогой [8]. Автор обвиняет Елену в бесчувствии и любви только к себе, а главное - в развязывании войны. Виновны в войне, по мнению Жироу, и те, кто желает бойни, и те, кто ее поддерживает, и те, кто молчит.

После Второй мировой войны в свет вышел роман О. Кулидж «Троянская война». Произведение написано в романтическом ключе. Даже отрицательные персонажи не выглядят злодеями, поскольку автор использовал образные и лексико-стилистические средства без четко окрашенной негативной коннотации. Положительные герои наделены теми качествами, которые помогают им в дальнейшем на военном или любовном поприщах. Например, Одиссей описывается так: «Одиссей считался самым мудрым человеком в Греции и самым красноречивым. Он был широким в плечах и плотным, на первый взгляд менее внушительным, чем более высокие люди. Слова сыпались из него, как снежинки зимой, и интонации его сильного, глубокого голоса зачаровывали людей, а он в это время играл их сердцами. Ни один, кто слышал речи Одиссея, не мог не уважать его, вот почему Агамемнон надеялся использовать его, чтобы убедить других царей» [10, 5]. Мудрость Одиссея проявляется в его умении вести диалог с Менелаем и Ахиллом, применяя при этом смекалку и военную хитрость.

Стоит отметить, что в романе очень много женских персонажей. Автор останавливает внимание не только на главных, но и на второстепенных героинях: богинях, служанках, возлюбленных богов. У О. Кулидж они все разные, непохожие друг на друга, каждая наделена присущими только ей качествами и достоинствами: «Среди них была и величественная Гера – царица богов, сероглазая Афина, златокудрая Афродита и благородная Деметра, чьи волосы были цвета спелой пшеницы. А еще прелестная, розовая Геба, освещенная Луной охотница Артемида, стройные грации – каждая красива по-своему, вне сравнения, тоже претендовали на яблоко» [10, 2]. Обилие женских образов и некая сказочность повествования являются особенностями романа, его «изюминкой», ведь в Троянском цикле мифов и в поэме Гомера «Илиада» все внимание сосредоточено в основном на мужских характерах, что и понятно, война – это удел мужчин.

На рубеже веков интерес к Троянскому циклу мифов возрос, что подтверждается современным кинематографом. Только за последние десятилетия на мировые экраны вышли полнометражные фильмы

«Троя» (2004), реж. В. Петерсен, «Ахиллес» (1995), реж. Б. Пурвс, сериалы «Падение Трои» (2018), «Елена Троянская» (2003).

Современная проза о греко-тройанской войне представлена романами Р. Сатклифа «Черные корабли у стен Трои», П. Акройда «Падение Трои», К. Маккалоу «Песнь о Трое», М. Миллер «Песнь Ахилла», П. Баркер «Безмолвие девушек», Д. Грем «Черные корабли» и т. д.

В романе «Безмолвие девушек» роль главной героини отведена Брисеиде, наложнице Ахилла, которая досталась ему по трофейному праву победителя. Образ Брисеиды – собирательный, такие женщины не разделяют мужской взгляд на войну, они не восхваляют подвиг воинов, не восхищаются доблестью, они сожалеют о погибших, осуждают рабство, горюют о сиротах.

История, пересказанная женщиной, пропитана фатализмом, в ней жены безмолвны и немые, а мужчины не воспринимают их слова. Женщины не могут остановить войну, повлиять на ее ход, они – лишь повод для противостояния, как Елена. Но весь ужас, вся тяжесть, вся боль войны ложится на женщин. Они теряют кров, мужей, детей.

Роман П. Баркер существенно дополняет представления о войне и в современном мире, эта женская версия событий, взгляд одной из «безмолвных жертв», которая волей случая была вовлечена в те роковые события [1, 52].

Следующим произведением, в котором образы героев Трои значительно отличаются от оригиналов, стал дебютный роман М. Миллер «Песнь Ахилла». В нем рассказывается история Патрокла, спутника несравненного Ахилла. Робкий, невзрачный царевич, нечаянно убив сверстника, отправляется в изгнание ко двору Пелея, где находит лучшего друга и любовь всей жизни. Патрокл предстает перед читателями в весьма необычном образе: из вполне самостоятельного и героического персонажа «Илиады» он превращается в душевного, робкого и застенчивого юношу, ставшего изгоем на родине в результате нелепой случайности.

От рождения Патрокл лишен физической мощи, он с завистью и страхом наблюдает за Ахиллесом, но не предпринимает активных попыток сблизиться с ним; несмотря на это, герой выбирает Патрокла в свои спутники. Патрокл не преклоняется, подобно рабу, перед Ахиллом, он восхищается красотой и грацией друга, заслушивается его песнями, которые тот исполняет. Патрокл видит подлинную красоту сына смертного царя и бессмертной нимфы Фетиды. Ахилл же видит духовное величие своего друга, которое компенсирует отсутствие физической мощи. Между двумя юношами завязывается

дружба и любовь, вместе они учатся у Хирона, отплывают в Трою и участвуют в многолетней войне.

Пока увеличиваются физические силы и оттачиваются боевые движения Ахилла, у Патрокла развиваются и крепнут душевные силы, он чувствует людей, видит различные связи в мироустройстве. Ахилла не волнуют причины тех или иных событий, его не интересуют мнения людей о нем. Герой часто говорит своему спутнику: «Какое тебе дело до того, что о тебе подумают?» [13]. Патроклу же приходится самому создавать свою красоту и величие духа. В начале войны лучшим из ахейцев безоговорочно признается Ахилл, но в день, когда пророчеству о смерти величайшего героя суждено сбыться, умирает Патрокл. Юноша настолько душевно силен, что в вынужденном жертвенном бою одолевает одного из героев Трои – Сарпедона, но погибает от рук царевича Гектора. Со смертью Патрокла Ахилл теряет своё подлинное величие. Он убивает Гектора лишь силой мести, которая мимолетна и губительна для героя. Дружба и любовь создавала из двух юношей единое целое – смерть одного неизбежно повлекла за собой смерть другого. В романе описывается преданность и непосредственность. Это история о чести и достоинстве, где ради общего дела герои могут поступиться своими принципами. Образы, созданные М. Миллер, воплощают в себе представления современной молодежи об идеальных взаимоотношениях, основанных на духовной близости.

Выводы

Таким образом, цикл мифов о троянской войне получил совершенно различное осмысление в литературно-коммуникативном пространстве XX века. Современные писатели, обращаясь к идеалам прошлого, к античным совершенным образам, пытаются трансформировать их под реалии настоящего времени с помощью художественной рецепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркер П. Безмолвие девушек. М.: Эксмо, 2020. 290 с.
2. Бачинин В. А. Искусство и мифология. Москва: Знание, 1987. 63 с.
3. Гомер. Илиада / Пер. Н. Гнедича. Москва: Московский раб., 1982. 448 с.
4. Гомер. Одиссея / Пер. В. Жуковского. Москва: Правда, 1985. 320 с.
5. Грабарь-Пассек М. Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М.: Наука, 1966, 320 с.
6. Грем Д. Черные корабли [Электронный ресурс]. Москва: АСТ, 2009. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=153217> (дата обращения: 21.02.2022).

7. Джойс Д. «Улисс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=259> (дата обращения: 21.02.2022).
8. Жироду Ж. Троянской войны не будет [Электронный ресурс]. URL: https://briefly.ru/zhirodu/trojanskoj_vojny_ne_budet/ (дата обращения: 2.02.2022).
9. Ишимбаева Г. Г. Трансформация образа кассандры в творчестве Г. Э. Носсака и К. Вольф [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. 2013. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-kassandry-v-tvorchestve-g-e-nossaka-i-k-volf> (дата обращения: 01.02.2022).
10. Кулидж О. Троянская война / пер. О. Сидорова. Москва: Литпросвет, 2002. 222 с.
11. Манжула О. В. Тема Троянской войны в зарубежной литературе XX-XXI веков [Электронный ресурс] // Мировая литература в контексте культуры. 2019. №8 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-troyanskoj-vojny-v-zarubezhnoy-literature-xx-xxi-vekov> (дата обращения: 23.02.2022).
12. Маслов А. Н. К вопросу о значении русских переложений «Троянской Истории» Гвидо де Колумна [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. 2010. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-russkih-perelozheniy-troyanskoj-istorii-gvido-de-kolumna> (дата обращения: 12.02.2022).
13. Миллер М. Песнь об Ахилле [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/miller_madlen/pesn_ob_ahille_lp.html#0 (дата обращения: 21.02.2022).
14. Разумов Н. Троянская война в литературе Средних веков [Электронный ресурс] // Дилетант. URL: <https://diletant.media/articles/45267500/#> (дата обращения: 11.02.2022).
15. Творогов О. В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XV–XVII веков. Ленинград: Наука, 1972. 232 с.

REFERENCES

1. Barker P. Bezmolvie devushek [Silence of girls]. Moscow: Eksmo, 2020. 290 p.
2. Bachinin V. A. Iskusstvo i mifologiya [Art and mythology]. Moscow: Znanie, 1987. 63 p.
3. Gomer. Iliada [Iliad] / Per. N. Gnedicha. Moscow: Moskovskij rab., 1982. 448 p.
4. Gomer. Odisseya [Odyssey] / Per. V. Zhukovskogo. Moscow: Pravda, 1985. 320 p.

5. Grabar'-Passek M. E. Antichnye syuzhety i formy v zapadnoevropejskoj literature [Antique plots and forms in Western European literature]. Moscow: Nauka, 1966, 320 p.
6. Grem D. Chernye korabli [Black ships] [Elektronnyj resurs]. M.: AST, 2009. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=153217> (accessed 21.02.2022).
7. Dzhojs D. «Uliss» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=259> (accessed 21.02.2022).
8. Zhirodu Zh. Troyanskoj vojny ne budet [There will be no Trojan war] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://briefly.ru/zhirodu/troyanskoj-vojny-ne-budet/> (accessed 20.04.2022).
9. Ishimbaeva G. G. Transformaciya obraza kassandry v tvorchestve G. E. Nossaka i K. Vol'f [Transformation of the image of Cassandra in the work of G. E. Nossak and K. Wolf] [Elektronnyj resurs] // Vestnik NNGU [Bulletin of the UNN]. 2013. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-kassandry-v-tvorchestve-g-e-nossaka-i-k-volf> (accessed 01.02.2022).
10. Kulidzh O. Troyanskaya vojna [The Trojan War] / per. O. Sidorova. Moscow: Litprosvet, 2002. 222 p.
11. Manzhula O. V. Tema Troyanskoj vojny v zarubezhnoj literature XX □ XXI vekov [The theme of the Trojan War in foreign literature of the XX-XXI centuries] [Elektronnyj resurs] // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury [World literature in the context of culture]. 2019. №8 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-troyanskoy-voyny-v-zarubezhnoy-literature-xx-xxi-vekov> (accessed 23.02.2022).
12. Maslov A. N. K voprosu o znachenii russkih perelozhenij «Troyanskoj Istorii» Gvido de Kolumna [On the issue of the significance of Russian transcriptions of the "Trojan History" by Guido de Columna] [Elektronnyj resurs] // Vestnik NNGU [Bulletin of the UNN]. 2010. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znachenii-russkih-perelozheniy-troyanskoy-istorii-gvido-de-kolumna> (accessed 12.02.2022).
13. Miller M. Pesn' ob Ahille [Song about Achilles] [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/read/miller_madlen/pesn_ob_ahille_lp.html#0 (accessed 21.02.2022).
14. Razumov N. Troyanskaya vojna v literature Srednih vekov [The Trojan War in the literature of the Middle Ages] [Elektronnyj resurs] // Diletant [Amateur]. URL: <https://diletant.media/articles/45267500/#> (accessed 11.02.2022).
15. Tvorogov O. V. Troyanskije skazaniya v drevnerusskoj literature [Troyan legends in ancient Russian literature] // Troyanskije skazaniya. Srednevekoveye rycarskie romany o Troyanskoj vojne po russkim rukopisyam XV□XVII vekov [Troyan legends. Medieval chivalric novels

about the Trojan War based on Russian manuscripts of the 15th–17th centuries]. Leningrad: Nauka, 1972. 232 p.

XX CENTURY LITERARY AND COMMUNICATION SPACE:
THE IMAGE EVOLUTION

OF THE TROYAN MYTHICAL HEROES

Inna S. Lotova¹, Constantin N. Savelev²

¹Postgraduate student Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

²Doctor of Science (Philology), Professor of Department of
Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article attempts to consider the reception of the ancient myth in the literary and communicative space of the 20th century. The plots of the Trojan cycle, the images of heroes and gods, their actions and deeds, as well as the rich series of events of the “non-fictional” war, have repeatedly become the object of close attention of authors of various eras, but it was at the turn of the 20th–21st centuries. The appeal to the Trojan myth becomes more meaningful, which is associated with the reorientation of moral and aesthetic guidelines, crisis phenomena in the life of society and the search for new ideals.

Myths of Ancient Greece, according to V.A. Bachinin’s fair remark, will never lose the reader’s and writer’s interest, despite the constantly changing historical conditions. In the modern world, in the era of the rapid development of the global network, ancient mythology has gained a second wind: Greek heroes have become favorite characters in computer games, fan fiction, epics and memes. Modern writers are increasingly appealing to the ideals of the past, to ancient perfect images, trying to transform them into the realities of the present time with the help of artistic reception. The processes of re-creation and reconstruction of characters are of direct importance for the discovery of literary phenomena, influences and relationships. Since the images of Greek heroes received completely different interpretations in the literary and communicative space of the 20th century, this requires a more detailed and comprehensive study of the stated problem, which the authors tried to solve in this article.

Keywords: myth, ancient mythology, image, hero, reception, literary and communicative space

Для цитирования: Лотова И. С., Савельев К. Н. Эволюция образов героев троянского мифа в литературно-коммуникативном пространстве XX века // Libri Magistri. 2022. № 1 (19). С. 54–62.

Поступила в редакцию 15.03.2022

ББК 83.3

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_63

А. В. Петров

ORCID: 000-0002-3664-4487

*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
alexpetrov72@mail.ru*

М. Н. Ганиева,

*магистр
bedokurova160589@mail.ru*

**ТЕМА САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ
В ДРАМЕ «ПАВЕЛ I» Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО
И В РАССКАЗЕ «ПОДПОРУЧИК КИЖЕ» Ю. Н. ТЫНЯНОВА**

В статье впервые рассматриваются в сравнительном аспекте драма Д. С. Мережковского «Павел I» и рассказ Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Киж». Основанием для анализа стали общая для двух произведений тема – феномен самодержавной власти, а также общий исторический материал – царствование императора Павла I. Тынянов как автор исторической прозы явно отталкивался от принципов работы Мережковского с историческими источниками, от некоторых его «приёмов», разделяя с ним интерес к историческому анекдоту как живому свидетельству давно прошедшей эпохи, более достоверному, нежели исследования профессиональных историков. К созданию своих «мифов» о Павле I два писателя подошли с разных сторон. Мережковский в драме акцентировал внимание на двойственности властителя: для подданных он опасный безумец, наделенный неограниченной властью, для автора – страдающий человек, несущий тяжесть власти. Тынянов центром своего гротескового рассказа сделал историю «пустого места», перенося остроту своего обличения с императора на созданную им бюрократическую систему, создавая некую «формулу самодержавия». Два автора сближаются в разработке общих мотивов, источником своим имеющих антипавловскую мемуарно-историческую традицию. Мотивы эти – безумие, страх и пустота. Они создают

особую атмосферу и пьесы, и рассказа. При этом оба писателя сближаются в представлении о пагубности абсолютной власти как таковой.

Ключевые слова: император Павел I, Д. С. Мережковский, Ю. Н. Тынянов, тема власти, историческая проза, исторический миф, компаративистика, мотивный анализ

Введение

Пьесу Д. С. Мережковского «Павел I» (1907) современные исследователи считают самым значительным художественным исследованием павловской эпохи и фигуры самого императора во всей русской дореволюционной литературе [3], а также «вершинным достижением» Мережковского-драматурга [12, 114]. После 1917 года изучение «павловской» темы было продолжено в новой – советской – литературе. Среди наиболее значительных произведений о Павле I и его эпохе – рассказ Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кijke» (1927), книга эссе Г. И. Чулкова «Императоры. Психологические портреты» (1928) и роман О. Д. Форш «Михайловский замок» (1948).

Мережковский и методы его работы над историческими источниками были, судя по всему, некоей внутренней, писательской проблемой для Тынянова. Некоторым их современникам (М. М. Бахтину, Л. Я. Гинзбург) преемственность младшего исторического романиста по отношению к старшему была очевидна (см.: [5]). Историческая проза обоих писателей хорошо изучена; это касается и тыняновского рассказа «Подпоручик Кijke» (см. работы А. Белинкова, Д. А. Матвеевой, О. И. Плешковой, М. Ямпольского и др.). При этом очевидная тематическая связь рассказа и пьесы о Павле I до сих пор остается вне внимания исследователей.

Следует отметить, что рассказ Тынянова был дважды экранизирован – в 1934 («Поручик Кijke») и 1991 г. («Шаги императора»), причем в первом случае Тынянов выступил сценаристом, т. е., по сути, драматургом. По мотивам пьесы Мережковского в 2003 г. был снят фильм «Бедный, бедный Павел».

Осознавая, что сравнение психологической пьесы и гротескового рассказа имеет свои ограничения, остановимся именно на мотивно-тематической связи между ними. Связь эта видится нам в теме самодержавной власти и в выбранном обоими писателями материале для изложения своих идей – павловской эпохе.

Драму и рассказ разделяет всего 20 лет, но между ними стоят две революции 1917 года. Они-то и превращают эти десятилетия в огромное историческое пространство, разделяющее две эпохи. После

1905 г. Мережковский был в предчувствии нового потрясения, для него наступил «век революции», пусть и религиозной, апокалиптической. В это время он задается вопросом о судьбах российского государства, о власти и насилии.

Тынянова в 1927 г. заинтересовала сама сущность самодержавия и – шире – авторитаризма. До «великого перелома» оставалось всего два года, новое авторитарное государство набирало силу, но живы были еще революционно-оптимистические тенденции, искренняя вера в «светлое будущее». Молодые советские писатели стремились осмыслить недавние события – Октябрьскую революцию и гражданскую войну, в связи с этим возрос интерес и к прошлому России, к тому, что стало причиной революции.

В 1925 г. выходит роман, принесший Тынянову известность, – «Кюхля», о декабристе В. К. Кюхельбекере. Роман нёс в себе заряд исторического оптимизма, веру писателя в свои силы и в будущее своей страны. Восстание декабристов, борьба с самодержавием, разоблачение последнего – вот темы этой книги, вполне созвучные тому времени, духу 20-х гг. Интересно, что роман «Кюхля» советские критики (например, М. Горький) сравнивали с романом Мережковского «14 декабря», посвященным тем же темам. Сравнение, разумеется, было не в пользу «псевдоисторического» произведения Мережковского, который не понял и исказил славные страницы русской истории и её освободительного движения. Не так давно О. А. Лекманов указал на параллели между вторым романом Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара», 1928) и романом Мережковского «Александр I» (1911). Исследователь считает, что в романе о Грибоедове и в других своих исторических произведениях Тынянов «сореволюционирует» с Мережковским, усваивает его базовые романские «схемы», пытается их преодолевать [5].

Любопытно, что Тынянов, как и Мережковский, создает исторические трилогии, причем выбирает для изображения те же, что и его старший современник, царствования. «Малую трилогию» вместе с «Подпоручиком Киж» составляют рассказы «Восковая персона» (1932) – о Петре I и «Малолетный Витушишников» (1933) – о Николае I. «Большую трилогию» составляют романы «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин» (1933–1943).

Основная часть

Знал ли Тынянов драму Мережковского? Несомненно. Но говорить о каком-то прямом влиянии пьесы на трактовку образов Павла I и русской монархии в рассказе Тынянова, как это делает О. Михайлов во вступительной статье к 4-томнику Мережковского (1990) [9], не кажется нам доказательным. Некоторая тематическая

близость их, опора на «анекдоты» об императоре Павле, а также схожие гротесковые черты в его образе объясняются тем, что оба писателя пользовались одними историческими источниками, вышедшими в начале XX века. (см.: [1, 399; 10, 33–102]).

Драма о Павле I является первой частью трилогии «Царство Зверя». Мережковский – исторический писатель, автор знаменитой тогда трилогии «Христос и Антихрист», остается верен себе: он вновь выбирает «смутные времена» – дворцовый переворот марта 1801 г., закат правления Александра I, декабрьское восстание 1825 года.

В драме писателя уже меньше интересует антитеза Христа и Антихриста (основная в первой трилогии), а в большей степени – личность монарха, его человеческое лицо. Тынянову, который взял за историческую основу всё павловское правление, важно было разобраться в сущности самодержавной власти, меньше уделяя внимания психологии ее носителя. Препятствовал данной установке и выбранный художественный модус рассказа – сатира, гротеск.

Павел-император и Павел-человек – эту двойственность положения, двойственность самого Павла Петровича, самовластного правителя и одинокого, страдающего человека, запечатлел в своей драме Мережковский. Подобная сложность не входила в задачи Тынянова, хотя и у него этот аспект сохранен. «Подпоручик Киж» – произведение сатирическое, и потому его автор не мог выйти за жёсткие жанровые рамки: фантастика, гипербола, условность – основные приёмы создания художественных образов в рассказе. Психологизм в разработке характеров только затемнил бы замысел писателя.

Анекдотический случай под пером Тынянова вырастает до широкого обобщения, по сути, символа павловской эпохи и всего русского самодержавия. Об этом много и подробно писал в своей давней монографии А. Белинков. Он даже говорит о «формуле самовластия», которую выводит в рассказе Тынянов [1, 389]. Суть этой формулы – «в презрении к человеку», в «ничтожности человека» перед абсолютной властью, в том, что «самовластие стирает все индивидуальное в человеке», в «нелепости самовластия» [1, 389–408]. Личность Павла I при этом отходит на второй план, как бы растворяясь в созданной им и его предшественниками государственной системе. Эта бюрократическая машина, формы управления ею, порядки тех лет и интересуют советского писателя.

Примечательно, что Мережковским «формула самовластия» уже была найдена в статьях периода первой русской революции

и в пьесе «Самодержавие – от Антихриста». Религиозная мистика Тынянову остается чуждой.

Разными средствами оба автора стремятся воссоздать атмосферу павловской эпохи, погружая в неё читателя. И пьесе, и рассказ заполняют *страх* и *безумие*. Это не просто настроение или состояние героев, это именно *атмосфера*, «пропитывающая» изображаемое время, поступки персонажей. Оба склонные к историзму (хотя и разного типа) Мережковский и Тынянов *таким* видят павловское царствование.

Первой же репликой пьесы, с ключевым для всей трилогии словом «зверь», рисуется образ Павла: «Зверем был вчера, зверем будет и сегодня»¹. Начинает свое развитие важнейший мотив обоих произведений – *страх*. «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» – крестится цесаревич Александр Павлович (в пьесе). «Пропали, пропали мы все!» – вторит ему генерал Депрерадович.

На первых же страницах драмы появляется и другой ключевой ее мотив – *сумасшествие, безумие*. Цесаревич Константин Павлович сравнивает отца с бесноватым кликушей в Лавре. Позже великий князь прямо скажет о Павле: «Машинка завернулась», «батюшка спятил». Крики императора «Молчать!», «В Сибирь!», «Сукин сын!», а также «игра в пятнашки» с генералом Тутолминым словно подтверждают всеобщее подозрение. Мережковский явно использует здесь гротеск, хотя далее в пьесе он от сатиры отходит.

Рассказ, в отличие от пьесы, начинается спокойно, «скучно»: «Павлу I снился *обычный* послеобеденный сон – он в Гатчине, прячется под стол, увидев треуголку фельдгегеря»². Проснувшись, император ощущает тоску: бодрствование – лишь продолжение кошмарного сна.

«С тех пор и бессонница», – это говорит Павел в пьесе, рассказывая графу Палену о своем мучительном сне: «...будто бы кафтан парчовый натягивают, узкий-преузкий – никак не влезу, а все тискают – так сдавили, чтодохнуть не могу. Закричал и проснулся».

Это чувство нехватки воздуха, удушения преследует императора в обоих произведениях; ср. в рассказе: «Задыхаясь от пищи и тоски», «императору не хватало воздуха»; ср. в пьесе: «Я почувствовал, что задыхаюсь», «Павел глядит на всех молча, тяжело переводя дыхание». Детали эти явно символические, и предвещают они страшную смерть монарха.

¹ Пьеса «Павел I» цитируется по изданию [7] без указания страниц.

² Рассказ «Подпоручик Киж» цит. по изданию [11] без указания страниц.

Чувство страха, как уже говорилось, связывает между собой всех героев: от императора до писаря в «Подпоручике Киж», от императора до бригадирши, сошедшей с ума от страха, – в «Павле I». Слово-образ «страх» организует сюжеты рассказа и драмы, определяет их символику. Однако смыслы, которые вложены писателями в это слово, несколько различаются.

И Тынянов, и Мережковский отмечают один и тот же источник страха Павла Петровича – отношения с матерью, годы, проведенные им до восшествия на престол. Ср. в рассказе: при жизни матери «он жил как ежеминутно приговоренный к казни», и с тех пор «казался сам себе случайным пловцом, воздымающим среди ярых волн пустые руки». Императора окружали страх, измена и пустота, у него развивается мания преследования, он отгораживается ото всех на острове, в Михайловском замке. Там Павел хотел выбрать себе комнату поменьше, «однако не мог этого сделать – кой-кто тотчас бы это заметил»; «нужно бы спрятаться в табакерку», – подумал император, нюхая табак. Свечи он не зажег. Не нужно наводить на след... У окна он вел счет людям...». Простые предложения, короткие и четкие, как указ, подчеркивают драматизм положения загнанного, близкого к сумасшествию человека. Человеческого в нём осталось, в изображении Тынянова, немного: кроме «великого страха», автор выделяет в императоре еще одно живое человеческое чувство – ненависть к матери, «похитительнице престола».

В драме, напротив, все чувства Павла Петровича доведены почти до предела, это уже не бесстрастный голос повествователя, а надрывный крик одинокого, близкого к сумасшествию человека: «Тридцать лет я томился в смертном страхе, ждал яда, ножа или петли от собственной матери... глядел, и терпел, и молчал... Тридцать лет! Тридцать лет! Как только Бог сохранил мне рассудок и жизнь?..»

Итак, для Мережковского важны переживания человека, его душевная драма; Тынянов подчеркивает давящую тяжесть той атмосферы, которая окружает *властителя*, и какой-то альтернативы для российского самодержца быть не может.

Страх и пустота – норма для самодержавного строя. Страх почти осязаем: «И наступал страх, – пишет Тынянов. – Императору не хватало воздуха». Павел не боялся никого в отдельности, «вместе же все они составляли море, и он тонул в нем». Они неотделимы – император и страх: «В комнате великий страх. Император бродит».

Не менее реален страх и в пьесе Мережковского. Михайловский замок весь в тумане: туман снаружи – «зги не видать» и туман внутри, «белый, мутный, от свечей радуга, и люди – как привидения...». «Того

гляди, подымемя вместе с туманом и разлетимся...)» – говорит князь Голицын. «Привидения! Привидения!» – звучат слова великой княгини Елизаветы Алексеевны. В ее же уста Мережковский вкладывает символическую фразу: «Евридика, Евридика под сводами ада...». Ад – это не только сам дворец и жизнь в нём, это вся Россия, сжавшаяся от холода и страха.

Пьеса «Павел I» в целом насыщена символикой, связанной с мотивом страха. В ночь на 12 марта в Летнем саду слышится зловещее воронье карканье. Шпиц Павла Петровича – «собачонка проклятая» – весь день выл: «под ногами все вертится, в глаза глядит и воет...» В расстроенном сознании Павла I переплетаются видения и реальность: он вспоминает, как двадцать лет назад наяву видел своего прадеда, Петра I. Государь император «посмотрел на меня долго, скорбно да ласково так, головой покачал и два только слова молвил: «Бедный Павел! Бедный Павел!» «Не надо об этом... страшно...» – просит Анна Гагарина.

Символические детали есть и в рассказе «Подпоручик Киж»: два фонаря Людовика XVI и часы Марии-Антуанетты (подарки Павлу Петровичу, которыми он не пользуется). Они словно напоминают о печальном конце французских королей.

«Страх, страх...» – эти слова в драме Мережковского произносят почти все персонажи: Павел, Александр, Константин, Елизавета, Мария Феодоровна, Анна Гагарина.

И что, как не страх, дало жизнь подпоручику Киж и превратило «в прах, в мякину» поручика Синюхаева в тыняновском рассказе? Начиная с писаря, который в ужасе смотрит на часы, страх пронизывает все структуры огромного государства. Нормальна ли сама система, когда под шпицрутены ложатся целые полки, в Сибирь маршируют не только случайные солдаты, писаря, поручики и генерал-губернаторы, но когда император командует Измайловскому полку: «Направо кругом марш – в Сибирь!»? Когда у несуществующего поручика рождается сын (по слухам, похожий на него)? Когда важный преступник «фигуры не имеет»? Всё переворачивается с ног на голову...

Кто же виноват в этом? Безумен ли человек, возглавляющий безумную систему? Делает ли *она* его безумным, или *он* её? Эти вопросы, отрицательно в целом относясь к самодержавию, Мережковский и Тынянов решают по-разному.

Безумна сама самодержавная система, а в царствование Павла I это безумие лишь достигло своего апогея, став нормой, считает Тынянов. Незначительное событие – описка писаря – высветило, как под лучом яркого фонаря, всю ненормальность устройства государственной

машины, превращающей мнимое в действительное и наоборот. Тынянов, следует заметить, в трактовке фигуры императора Павла во многом остается в рамках мемуарной традиции, представлявшей Павла Петровича полусумасшедшим маньяком, человеком капризным и деспотичным и т. д. (см.: [10, с. 33–102]). Советский писатель не ставил перед собой цели исследовать личность монарха во всей сложности и противоречиях ее внутреннего мира. Образ Павла I в рассказе статичен, в нём выделена одна доминирующая черта – страх и мания преследования. Такое сужение образа, использование сатиры и гротеска являются специфическими художественными установками и приёмами Тынянова.

Мережковский сделал образ Павла Петровича намного более сложным и противоречивым, попытался заглянуть в душу императора. Многие дореволюционные исследователи утверждали, что раскрыть характер человека изнутри, показывать его переживания и чувства Мережковскому не под силу – по причине ли склада собственной его натуры; или из-за специфики его таланта – «декоратора», специалиста по изображению масштабных, эпических картин; или по причине отсутствия у него таланта вообще. «Чужда Мережковскому душа человеческая и человеческая личность», – к такому выводу приходит К. Чуковский в статье «Д. С. Мережковский» [13, с. 215]. «Живой, многогранной человеческой души» в произведениях Мережковского нет, а есть лишь «искусно сделанные куклы», – пишет А. Долинин [2, с. 311]. Великой любви «к живому личному человеку... нет и никогда не будет у Д. Мережковского», – ставит точку третий исследователь (Р. Иванов-Разумник) [4, с. 160–161].

Мы считаем, что «живая человеческая душа» в драме «Павел I» есть, и для ее изображения писатель использует особые приемы. Так, желая показать сложность реально-исторической личности, Мережковский использует принцип «двойственности», как бы надевая на героя «маску», из-под которой не всегда четко проступает истинное лицо персонажа (см.: [10, с. 157–178]).

В рассказе «Подпоручик Киж» есть схожая попытка – изобразить героя с помощью приема контраста. Обычное состояние императора Павла – гнев, который через два дня обычно переходил в страх или умиление. Даже дворец был оформлен контрастно: «с одной стороны – разинутые пасти вздыбленных и человекообразных львов, с другой – изящное чувство». В минуты гнева Павел Петрович приобретал сходство с одним из львов. Но были мгновения, когда он «желал всеобщей любви или хотя бы чьей-нибудь». «Это шло припадком», – замечает Тынянов. Обратим внимание: обычное, человеческое чувство в императоре для писателя – ненормальность, «припадок».

Герой пьесы, император Павел, может показать язык своим приближенным, пропеть перед всеми придворными стишки, чуть ли не «завертеться на одной ножке» – и может испытывать жестокие мучения, пораженный предательством своего сына и близких. Человек в императора страдает: «тяжко!.. тяжко!..»; «ведь и я человек? – спрашивает Павел, – ...а если человек, так, значит, могу ошибаться».

Не религиозно-метафизические построения Мережковского-догматика, а именно образ Павла I как человека противоречивого, мечущегося меж двух огней – тяжестью власти и своей человеческой природой – удача Мережковского-художника.

Павел Петрович, соединяющий в своей душе сложный комплекс противоречивейших чувств, предстает уже в первой сцене драмы. «Зверь», приказавший засечь фельдфебеля палками за изъян в прическе, вдруг произносит сентиментальные фразы: «Я одарен от природы сердцем чувствительным, Сашенька!» – и дальше: «нежная меланхолия», «слеза упала из глаз моих на тот цветочек». Как венец этого преобразования – император извиняется (!) перед «командирами»: «А если погорячился, сказал что лишнее, так и вы, господа, меня простите». И тут же – жуткая деталь: на походных носилках выносят фельдфебеля, покрытого рогожей. Мережковский-драматург, как видим, не прошел мимо броских эффектов литературы натурализма и «костюмной драмы».

Павел I в изображении Тынянова достаточно однозначен: он – воплощение всего самодержавного строя как государственного зла. Сам охваченный страхом, Павел и окружавшим мог внушать только одно чувство – ужас (ср.: фрейлина, изображая императора, «сделала ужас глазами»). Лишь Аракчеев чувствовал в присутствии императора «слабость, похожую на любовь».

В пьесе Павел Петрович внушает окружающим в основном два чувства – страх и ненависть. Три человека испытывают к нему любовь: любовь-страх – Александр, любовь-преклонение – Анна Гагарина, любовь-непонимание – Мария Феодоровна. К чувству женщин добавляется еще и жалость.

Сам император Павел (и в пьесе, и в рассказе) «желал всеобщей любви», «желал бы всех сделать счастливыми». Для этого он (в рассказе) предпринимает путешествие по своему странному отечеству, «но отечество молчало». Все благие намерения монарха натыкались на *пустоту*: «Кругом была измена и пустота».

Тынянов, исследуя павловскую эпоху, переносит акцент с личности императора на созданную им систему. Важнейшим понятием при этом становится «пустота». Это второе ключевое слово

в рассказе. На разных уровнях оно присутствует в произведении, определяя и фабулу, и построение отдельных сцен.

Сама фабула – история подпоручика Киже – это история пустого места. Эта мысль – об «отсутствующем герое» и даже о «признании одинаковой реальности истины и вымысла» высказана исследователями давно и получила глубокое истолкование (см., например: [1, с. 373–409]). Придирчивый глаз Павла Петровича извлек опisku из моря бумаг и дал ей жизнь. Оплошность писаря стала реальностью. В свою очередь канцелярии, бюрократический механизм, скрывавшие под собой пустоту, поглотили живого человека – поручика Синюхаева. В этом государстве, идеей которого (всеобщего узаконенного абсурда) проникнуты все его жители, нельзя найти ни одного по-настоящему живого человека. Сам император под пером Тынянова превратился в «автомат», куклу, управляющую такими же марионетками. В этом «кукольном царстве» только приказы имели собственную жизнь и обладали властью. Услышав приказ о своей смерти, поручик Синюхаев «ни разу не подумал, что в приказе ошибка. Напротив, ему показалось, что он по ошибке, по оплошности жив». Иными словами, герой по собственному желанию ушел в небытие, растворился в пустоте: «он понял, что умер».

Часовые, сопровождавшие в Сибирь «важное пространство» (подпоручика Киже), вначале еще «сомневались». Но дело было казенное, и бумага была при них. Приказ заставил поверить в реальность нереального: ни у кого не возникло и мысли о сумасшествии солдат, не говоря уже о безумии высшей власти.

Сумасшествие и ненормальность становятся нормой – к такому выводу приходит Тынянов, размышляя о сущности самодержавной власти.

Для Мережковского-публициста «самовластие, возведенное на степень религии», – «самое сумасшедшее из всех сумасшествий» [8, Т. XII, с. 161]. Это слова из статьи «Свинья Матушка». Но в художественном произведении писатель обращается к человеку, который воплотил в себе это «сумасшествие» и «бред» – российское самодержавие.

«Самодержец безумный – есть ли на свете страшилище, оному равное? Как хищный зверь, что вырвался из клетки и на всех кидается», – говорит руководитель заговора граф Пален. Но император Павел – не сумасшедший, он лишь выполняет нечто, предначертанное ему свыше, считает Мережковский. «Се тайна великая» – эти идеи писателя связаны с религиозным его пониманием сущности русской государственности, «святости» насилия, «кесаря» и «первосвященника»

и т. д. Комплекс этих вопросов решался Мережковским в трилогии «Христос и Антихрист» и в публицистике 1900-х гг.

Иначе решает вопрос о сумасшествии Павла I Тынянов. Мы уже говорили о своеобразном театре марионеток, в котором главный режиссер – российский самодержец. Да, император мог дергать за веревочки, но при этом сам был игрушкой в чужих руках. Надо было найти, кто кричал «караул!», – и из «пустоты» явился подпоручик Киж. Генерал Киж оказался потребен на «важнейшее» – пришлось его «умертвить». «У меня умирают лучшие люди», – сказал император. «Лучшим» стал человек, которого Павел I никогда не видел, да который и не существовал никогда, – «пустое место». Похороны Киж – символ всей самодержавной системы, имеющей оболочку и даже правителя, но пустой внутри, как гроб генерала Киж; системы мнимой, готовой лопнуть, как мыльный пузырь. Таким же пустым, имеющим лишь оболочку, почти механизмом, автоматом показывает Тынянов и главу этой системы – императора Павла I.

Пытаясь «избыть» измену и пустоту, Павел Петрович завел точность и совершенное подчинение, но сам оказался рабом запущенного им механизма. Уместно вспомнить здесь близкий по времени и художественному методу роман Ф. Кафки «Замок», где безумная, но с виду безукоризненно отлаженная бюрократическая машина так растворила в себе людей, что даже непонятно, кто управляет всеми канцеляриями и этими полубезумными автоматами, похожими на людей. Так и в рассказе Тынянова: введенный государем порядок обернулся против него самого; император сам не свободен в своих поступках; его действия, по сути, предопределены. Все знают, *что* будет делать Павел Петрович во время «великого гнева» и *как* он будет вести себя во время великого страха. Мережковский за 20 лет до Тынянова пришел к тем же, в сущности, выводам: человек, наделенный всею полнотой абсолютной власти, себя самого защитить не в силах.

Итак, Павла I в трактовке Тынянова необходимо рассматривать не как сумасшедшего, безумного, а как воплощение абсурдности самодержавной системы. Император нужен в ней лишь постольку, поскольку он – ее материальное воплощение. «Он есть, только он подмененный», – говорит один из солдат. В пьесе схожую мысль высказывает старый денщик: «Да нам... все едино, – кто ни поп, тот и батька», т. е. не важно, какой царь, – «была бы власть законная».

В статье «Пророк русской революции» Мережковский говорит, что «каждый пришедший царь оказывается вовсе не тем грядущим царем, которого ожидает народ как Мессию. В этом смысле каждый

самодержец – самозванец воли народной» [6, с. 335]. Чтобы удержать престол, «самозванный» монарх должен прибегнуть к насилию – тирания же кажется окружающим безумной.

«Сумасшедший», «мы все сошли с ума» – эти слова произносятся в пьесе все основные действующие лица. «Все мы сходим с ума. Лучше не думать...» – говорит Елизавета Алексеевна. Павел Петрович знает, что думают о нём придворные: «...говорят «с ума сошел!» А я тут при чем, сударь, а? При чем тут я?»

Павел I делает вызов иностранным государям и собирается объявить войну пяти-шести европейским державам. Сумасшествие? Для заговорщиков – да. Но вот как сам Павел Петрович объясняет свой поступок: «...воскресение древнего рыцарства... соединим все дворянство Европы и крестовым походом пойдем против яacobинской сволочи, отродия хамова!.. Не подданные за государей, а государи за подданных должны кровь свою проливать. И я первый на поединке оном пример покажу». «Дон-Кишот» – смешной и жалкий, страшный и величественный одновременно...

Мережковский сочувствует Павлу Петровичу, его трагедии одиночества и непонятости (см. монолог «Когда тяжесть России...»), при этом не оправдывая того зла, что совершил император. Эту мысль излагает граф Пален: «Ненавижу? За что? Разве он знает, что делает? Сумасшедший с бритвою... Не его, Богом клянусь, не его, безумца, *жалости достойного*, я ненавижу, а источник оногo безумия – деспотичество». Кажется, будто перед нами рассказ Тынянова. Но для последнего российское самодержавие – некая самодовлеющая, застывшая и в своем безумии страшная сила, окончательно подчинившая, «растворившая» в себе человека, стоящего во главе ее.

Мережковский связывает с проблемой самодержавной власти мысль о тяжком бремени, которое несет властитель, а также идею об «антихристовой» сущности самодержавия в православной России. Гибель венценосца, считает он, неизбежна. «Ура! Ура! Ура! Александр!» – последние слова пьесы звучат горько иронически. Умер зверь – жив зверь (Аракчеев), останется и само Царство Зверя – «свиное, безбожное и кощунственное» [6, с. 330] русское самодержавие.

В рассказе Тынянова смерти Павла I посвящено всего две строчки: «А Павел Петрович умер в марте того же года, что и генерал Киче, – по официальным известиям, от апоплексии». Обоих поглотила самодержавная система, и император уходит в небытие, становится тем же «пустым местом», каким был подпоручик Киче.

Выводы

Итак, можно утверждать, что Мережковский переносит глубокую личную драму измученного человека в метафизическую сферу: власть пагубна уже сама по себе, тем более власть безграничная, самодержавная. Она калечит живую душу, проводит между властителем и остальными людьми резкую черту, и переступить ее нельзя. Всевластный государь оказывается одинок и обречен на раздвоение личности. Драма власти – это драма всей жизни. «Бедный Павел! Бедный Павел!» – иного выхода для самодержца Мережковский не видит: или тяжесть власти, или безумие и смерть.

Своеобразно используя эту антитезу, Тынянов в своем рассказе на первый план выдвигает безумие. Любая тирания, говорит он, обречена на вырождение, она ненормальна, абсурдна уже изначально, и абсурдность эта рано или поздно претворится во всеобщее безумие.

Литература

1. Белинков А. Юрий Тынянов. Москва: Сов. писатель, 1965. 636 с.
2. Долинин А. Д. Мережковский // Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С. А. Венгерова. Москва, 1914. Т. 1. Кн. 3–4. С. 295–356.
3. Драма Д. С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография / под ред. А. В. Петрова. Магнитогорск: ООО «ВГ Катран», 2017. 182 с.
4. Иванов-Разумник Р. В. [Сочинения]. Санкт-Петербург: «Прометей» Н. Н. Михайлова, [1911–1912]. Т. 2: Творчество и критика, [1911]. 211 с.
5. Лекманов О. Тынянов и Мережковский // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. Москва: Водолей, 2009. С. 237–241.
6. Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. Москва: Сов. писатель, 1991. 489 с.
7. Мережковский Д. Павел I. Александр I. Москва: Слово, 1991. 381 с.
8. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений в 14 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914.
9. Михайлов О. Н. Пленник культуры (О Д. С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д. С. Собр. соч. в четырех томах. Москва: Правда, 1990. Т. 1. С. 3–22.
10. Петров А. В. Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д. С. Мережковского «Павел I» (проблема власти): дисс. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 1999. 257 с.
11. Тынянов Ю. Кюхля. Рассказы. Москва: Правда, 1981. 560 с.
12. Холиков А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.

13. Чуковский К. От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. Санкт-Петербург: Изд. бюро, 1908. 183 с.

REFERENCES

1. Belinkov A. Yuriy Tynyanov. Moscow: Sov. pisatel', 1965. 636 p.
2. Dolinin A. D. Merezhkovskij // Russkaya literatura XX veka. 1890–1910. Pod red. prof. S. A. Vengerova. Moscow, 1914. T. 1. Kn. 3–4. Pp. 295–356.
3. Drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I»: konteksty, interteksty, metateksty: kollektivnaja monografija [Drama by D. S. Merezhkovsky «Paul I»: contexts, intertexts, metatexts: collective monograph] / pod red. A. V. Petrova. Magnitogorsk: OOO «VG Katran», 2017. 182 p.
4. Ivanov-Razumnik R. V. [Sochineniya] [Works]. Sankt-Peterburg: «Prometej» N. N. Mihajlova, [1911-1912]. T. 2: Tvorchestvo i kritika, [1911]. 211 p.
5. Lekmanov O. Tynyanov i Merezhkovskij // Tynyanovskij sbornik [Tynyanov collection]. Vypusk 13: XII-XIII-XIV Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy. Moscow: Vodolej, 2009. Pp. 237–241.
6. Merezhkovskij D. S. V tihom omute: Stat'i i issledovaniya raznyh let [In still water: Articles and researches of different years]. Moscow: Sov. pisatel', 1991. 489 p.
7. Merezhkovskij D. Pavel I. Aleksandr I. Moscow: Slovo, 1991. 381 p.
8. Merezhkovskij D. S. Polnoe sobranie sochinenij v 14 t. [Complete works in 14 volumes]. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina, 1914.
9. Mihajlov O. N. Plennik kul'tury (O D. S. Merezhkovskom i ego romanah) [A prisoner of culture (About D. S. Merezhkovsky and his novels)] // Merezhkovskij D. S. Sobr. soch. v chetyrehk tomah. Moscow: Pravda, 1990. T. 1. Pp. 3–22.
10. Petrov A. V. Istoricheskaya tradiciya russkoj literatury XIX veka i drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I» (problema vlasti) [The historical tradition of Russian literature of the 19th century and the drama of D. S. Merezhkovsky «Paul I» (the problem of power)]: diss. ... kand. filol. nauk. Moscow: MPGU, 1999. 257 p.
11. Tynyanov Yu. Kyuhlya. Rasskazy [Kukhlya. Stories]. Moscow: Pravda, 1981. 560 p.
12. Holikov A. Dmitrij Merezhkovskij: Iz zhizni do emigracii [Dmitry Merezhkovsky: From life before emigration]: 1865–1919. SPb.: Aleteja, 2010. 152 p.
13. Chukovskij K. Ot Chekhova do nashih dnei. Literaturnye portrety. Harakteristiki [From Chekhov to the present day. Literary portraits. Characteristics]. Sankt-Peterburg: Izd. byuro, 1908. 183 p.

THE THEME OF AUTOCRATIC POWER IN D. S. MEREZHKOVSKY'S
DRAMA «PAUL I» AND IN YU. N. TYNANOV'S STORY
«SECOND LIEUTENANT KIZHE»

Aleksey V. Petrov, Marina N. Ganieva²

¹Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

²Magister
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article for the first time examines D. S. Merezhkovsky's drama «Paul I» and Yu. N. Tynyanov's story «Second Lieutenant Kizhe» in a comparative aspect. The basis for the analysis is the theme common to both works – the phenomenon of autocratic power, as well as common historical material – the reign of Emperor Paul I. Tynyanov, as the author of historical prose, employed Merezhkovsky's principles of work with historical sources, some of his «techniques» and shared his interest in the anecdote as living evidence of a bygone era, considering it to be more trustworthy than the study of professional historians. The two writers approached the creation of their «myths» about Paul I from different angles. Merezhkovsky in the drama focused on the duality of the ruler: for the subjects he is a dangerous madman, endowed with unlimited power, for the author he is a suffering person bearing the burden of power. Tynyanov's grotesque narrative centres on the story of an «empty place», shifting the focus of his denunciation from the emperor to the bureaucratic system he created, devising a kind of «autocracy formula». The two authors converge on the development of common motives, the source of which has an anti-Pavlovian memoir-historical tradition. These motifs are madness, fear and emptiness. They create a special atmosphere for both the play and the story. At the same time, both writers believe in the idea of the perniciousness of absolute power as such.

Keywords: Emperor Paul I, D. S. Merezhkovsky, Yu. N. Tynyanov, the theme of power, historical prose, historical myth, comparative studies, motif analysis

Для цитирования: Петров А. В., Ганиева М. Н. Тема Самодержавной власти в драме «Павел I» Д. С. Мережковского и в рассказе «Подпоручик Кизе» Ю. Н. Тынянова // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 64–77.

Поступила в редакцию 26.03.2021

**РАЗДЕЛ V. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

ББК 74.480.26

УДК 378

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_78

Л. А. Гараева¹,

*«Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска
Россия, 455037, г. Магнитогорск, улица Советской Армии, 23
largal2@yandex.ru*

**ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ НОРМАТИВНЫХ ТЕКСТОВ
У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ**

В статье впервые предпринята попытка обобщить опыт преподавания филологической культуры нормативных текстов на 4-м курсе бакалавриата студентов-филологов. Необходимость данного исследования обусловлена «молодостью» названного учебного курса и отсутствием специальных учебных и методических пособий по нему. А между тем это одна из важных дисциплин, призванная обобщить и систематизировать полученные студентами ранее знания, вооружить их умениями и навыками по извлечению необходимой официально-деловой информации из источников разных видов, по редактированию и составлению разнообразных деловых документов и показать возможности применения филологических знаний, умений и навыков в практической деятельности.

В Магнитогорском государственном техническом университете имени Г. И. Носова филологическая культура нормативных текстов преподается с 2019 года. Студенты-филологи проявляют к этой дисциплине неизменный интерес и активно участвуют во всех видах работы, предлагаемых преподавателем. Представляется, что уже можно подвести кое-какие предварительные итоги и поделиться своими наработками с профессиональным сообществом.

¹Гараева Лариса Анваровна, кандидат филологических наук, доцент, главный библиотекарь, филиал №2, «Объединение городских библиотек» г. Магнитогорска, г. Магнитогорск, Россия.

Цель статьи – очертить круг проблем, связанных с преподаванием филологической культуры нормативных текстов, и показать возможные пути их решения. Для этого предполагается охарактеризовать место данной дисциплины в кругу других филологических дисциплин, сделать обзор учебников и учебных пособий, использованных автором при разработке лекций и практических занятий, а также продемонстрировать виды заданий и упражнений, которые успешно применялись в процессе преподавания. Представляется, что результаты проведенного исследования будут полезны коллегам-филологам, преподающим филологическую культуру нормативных текстов, и помогут в дальнейшем совершенствовании преподавания данной дисциплины.

Ключевые слова: филологическая культура нормативных текстов, официально-деловые документы, практикоориентированность филологического образования, задания

Роль дисциплины «Филологическая культура нормативных текстов» в актуализации филологического образования в современном обществе

Официально-деловые документы функционируют в различных сферах жизни общества, люди сталкиваются с ними на каждом шагу, причем число различных документов с развитием общества не только не сокращается, а постоянно растет. Расширяется число источников различной официально-деловой информации, и каждому человеку бывает необходимо, во-первых, уметь извлекать эту информацию и определять ее значимость и достоверность, а во-вторых, уметь составлять документы разных видов. Вот почему предмет «Филологическая культура нормативных текстов» в программе подготовки будущих филологов является очень важным и актуальным.

Как неоднократно отмечали исследователи проблем современного гуманитарного образования, в нынешнем мире существует противоречие между потенциалом филологического образования и представлением о нем как о чем-то предельно абстрактном и весьма далеком от практических общественных нужд. «С одной стороны, общество на самых разных уровнях, от института власти до широкого круга родителей, постоянно выражает острую тревогу по поводу утрачивающихся у ряда поколений детей навыков самостоятельного мышления, понимания и интерпретации текстовой информации, способности письменно и устно выражать свои мысли. С другой стороны, столь же постоянны и высказывания о несоответствии этого типа образования потребностям общества

в конкретных специалистах-практиках, связанных с производством» [5]. Устранить это противоречие можно только одним путем – усилить практическую ориентированность филологического образования. Как отмечает, наряду с другими исследователями, Е. А. Губчевская, современное образование должно быть конкурентоспособным [9, 83].

По мнению Д. Ю. Ильина, «филология благодаря своей широте, сочетающейся естественным образом с профессиональной глубиной, может быть интерпретирована как своеобразный стержень, основа для многих сфер прикладной деятельности» [10, 22]. А одной из важнейших сфер человеческой жизнедеятельности является создание и интерпретация различных типов текстов. Исследования текстов электронных СМИ, посвященных проблемам языка в трудовой деятельности, объявлений о вакансиях, обзоров рынка труда, проведенные доцентом Нижегородского государственного лингвистического университета А. О. Лалетиной, показали, что в последнее время навыки бизнес-переписки входят в разряд обязательных качеств для соискателей на должность любого звена организации: руководителя проекта регионального развития, руководителя группы продаж, торгового представителя, менеджера по продажам, офис-менеджера, менеджера по работе с клиентами, консультанта по работе с персоналом и др. [13, 59–60].

Составление и интерпретация различных текстов является необходимой составной частью работы сотрудников современных библиотек [7, 138–139].

Работа с документацией представляет собой основной вид деятельности всех работников аппарата управления на предприятиях разных типов. В документах закрепляются производственные отношения и внутри предприятия, и между различными предприятиями. От правильного составления документов зависит прохождение предприятием аудиторской проверки, разрешение споров в суде, продуктивность общения с коллегами и партнерами по бизнесу, а также уверенность работника в соблюдении его трудовых прав и многое другое. Причем в современном обществе роль документов только возрастает.

В результате, по мнению О. А. Мельничук, «настало время пересмотреть сферу трудоустройства филологов <...>, включив профессию менеджера, работающего в межличностной сфере, в список филологических профессий, при условии добавления в общеобразовательную программу дисциплин по менеджменту» [15, 93]. А менеджеры, осуществляющие

межличностные коммуникации, сейчас нужны везде – на производстве, в бизнесе, в образовании и культуре, в спорте и здравоохранении и т. д.

Вот почему дисциплина «Филологическая культура нормативных текстов» занимает важное место в подготовке бакалавров Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова, обучающихся по специальности 45.03.01 «Филология». В учебном плане данной специальности дисциплина «Филологическая культура нормативных текстов» входит в часть, формируемую участниками образовательных отношений образовательной программы, имеет объем 108 академических часов и завершается сдачей экзамена.

Данная дисциплина призвана научить студентов

- самостоятельно находить нужные официально-деловые документы в различных справочно-информационных системах;
- осмысленно читать официально-деловые документы разных видов и понимать их содержание, выделяя главное;
- оценивать правильность составления официально-деловых документов и определять необходимость и достаточность приведенной в них информации, наличие или отсутствие у них юридической силы; знать разницу между различными видами документов (например, между оригиналом, копией и дубликатом) и возможность применения разных видов документов в различных сферах жизни человека;
- редактировать и самостоятельно грамотно составлять организационные, распорядительные, информационно-справочные документы и документы по организации трудовой деятельности.

Обзор литературы, которая была использована при разработке курса

Как уже было сказано, на сегодняшний день нет специальных учебников и учебных пособий по филологической культуре нормативных текстов. Но тем не менее в библиотечном фонде технического и гуманитарного абонементов МГТУ имени Г. И. Носова есть целый ряд учебников и различных пособий, которые вполне можно использовать при подготовке лекционных и практических занятий, разработке собственных заданий и упражнений. Их можно разделить на три группы:

- 1) учебники и учебные пособия по делопроизводству и секретарскому делу;
- 2) учебники и учебные пособия по русскому языку, культуре речи, стилистике и литературному редактированию;
- 3) дополнительная литература.

Среди многочисленной литературы первой группы нам особенно понравилось учебное пособие А. А. Раздорожного [16], разработанное для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации». Оно отличается от других учебных пособий наиболее строгим и логичным распределением материала по главам, сжатостью информации и наличием большого количества приложений, в которых представлены образцы различных деловых документов. Но в нем нет практических заданий по анализу, составлению и редактированию различных документов, которые в большом количестве представлены в учебном пособии М. В. Кирсановой и Ю. М. Аксенова [11]. Например: «Найдите ошибки в оформлении приведенных ниже документов. Добавьте недостающие реквизиты, покажите, как правильно они должны оформляться» [11, 36], или конкретные практические задания по составлению деловых писем различного содержания [11, 90–92], или приказов и распоряжений [11, 108–109], или протоколов [11, 175] и т. п. Такие практические задания есть в данном пособии после каждой учебной темы и вполне могут быть использованы преподавателем при разработке собственных аналогичных заданий и упражнений. Подобные задания есть и в пособии М. В. Кирсановой, Н. Н. Анодиной и Ю. М. Аксенова [12].

Среди учебников второй группы особенно ценным при разработке нашего курса стало учебное пособие для вузов Л. А. Введенской, Л. Г. Павловой и Е. Ю. Кашаева [6]. От других учебников и учебных пособий по русскому языку и культуре речи оно отличается наличием достаточно объемного раздела «Официально-деловая письменная речь» [6, 302–399]. В этом разделе содержится весьма ценная информация об истории делового письма, интернациональных свойствах официально-деловой письменной речи и особенностях русской и зарубежной школ делового письма, новых тенденциях в практике русского делового письма, характеризуются языковые особенности документов разных типов. Кроме теоретической информации, в этом разделе есть большой по объему практикум, в котором представлены интересные упражнения для совершенствования делового письменного языка.

Необходимую информацию об особенностях официально-делового стиля и правилах составления различных деловых документов можно найти в учебном пособии Н. Ю. Штрекер [18, 85–138]. При подготовке к практическим занятиям нам пригодились упражнения из «Практической части» данного пособия [18, 258–260, 268–273, 299–330].

Оригинальную трактовку особенностей официально-делового стиля мы нашли в учебнике и практикуме Е. Г. Борисовой и Е. Ю. Геймбух [4, 148–155]. В практической части соответствующего раздела есть весьма интересные упражнения, которые помогут оживить практические занятия.

Наконец, весьма интересный материал можно найти в дополнительной литературе, которая частично представлена в библиотеке МГТУ имени Г. И. Носова в электронном виде, а частью приобреталась в книжных магазинах. Например, электронные пособия С. Л. Андреевой [1], С. А. Анохиной [3] и Л. П. Салазкиной [17]. Издания первых двух авторов можно найти в электронной библиотеке МГТУ им. Г. И. Носова, а пособие Л. П. Салазкиной мы нашли в Электронной библиотечной системе «Лань», которая доступна на Образовательном портале университета.

Ценные рекомендации по составлению деловых писем, резюме и ведению переписки мы нашли в учебнике Дж. М. Лэйхиффа и Дж. М. Пенроуза «Бизнес-коммуникации» [14], где есть большой раздел «Стратегия письменных коммуникаций», в котором интересны такие главы, как «Письма, содержащие положительные и нейтральные сообщения» [14, 171–208], «Письма с плохими новостями» [14, 208–244], «Убеждающие письма» [14, 244–295] и др. Материалы этих глав целесообразно использовать на дополнительном занятии, посвященном сравнению русской и зарубежной (американской) школ делового письма. Можно поручить студентам подготовить доклады по этой книге, поскольку она доступна на гуманитарном абонементе МГТУ им. Г. И. Носова. Весьма полезна будет также глава рецензируемой книги «Написание резюме» [14, 596–631].

Своеобразие современной российской школы делового письма очень интересно изучать по книге Ю. С. Андреевой «Лёгкий русский совсем без нагрузки» [2]. Автор приводит здесь яркие примеры, которые были накоплены ею в результате восьмилетней практики обучения взрослых грамотности и культуре речи – см., например, главы «Формулировать, а не камуфлировать. Типичные ошибки в логике речи, которые мешают понимать друг друга» [2, 47–69], «Стиль общения: свой и чужой. Как общаться так, чтобы никому не вредить» [2, 69–111] и др.

Поскольку тема грамотного ведения деловой переписки сейчас весьма актуальна, вероятно, появится ещё немало подобных интересных книг, которые можно будет использовать для украшения курса филологической культуры нормативных текстов.

Примеры заданий, которые выполняют студенты на практических занятиях и на экзамене

Объем теоретического материала по филологической культуре нормативных текстов так велик, а занятий так немного, что очень трудно выбрать самое главное, чему стоит посвятить драгоценное аудиторное время. Так, для экономии времени можно, например, поручить студентам сделать дома красочные опорные конспекты отдельных теоретических вопросов и провести конкурс конспектов; осуществить конкурс презентаций по какой-либо теме; попросить студентов подготовить небольшие устные сообщения по теме с помощью учебной и дополнительной литературы. Тогда можно будет побольше времени уделять выполнению практических заданий и выделить для них место даже на лекционных занятиях.

Задания, которые мы предлагали студентам, можно разделить на пять групп.

1. Задания по поиску актуальной официально-деловой информации в авторитетных источниках.

При выполнении заданий данной группы студенты знакомятся с важнейшими сайтами, на которых можно найти актуальную и достоверную официально-деловую информацию. Например:

1) на портале «КонсультантПлюс» найдите должностную инструкцию инженера по качеству и прокомментируйте текст документа: перечислите необходимые признаки вида документа, укажите черты официально-делового стиля в данном документе;

2) на портале «КонсультантПлюс» найдите должностную инструкцию администратора гостиницы и прокомментируйте текст документа: перечислите необходимые признаки вида документа, укажите черты официально-делового стиля в данном документе;

3) найдите в интернете ГОСТ 6.10.6-87 «Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца» и, используя текст стандарта, расскажите об основных требованиях к формуляру документа;

4) установите, в каком источнике определен порядок использования языков в официальной переписке:

а) статья 17 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»;

б) Электронная база данных, поддерживающая полнотекстовый набор законодательных нормативных актов;

в) Большой энциклопедический словарь;

5) определите, в каком источнике изложены требования к оформлению проектов указов Президента РФ, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти:

а) Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденных Приказом Росархива от 23 декабря 2009 г. № 76.;

б) Конституция Российской Федерации;

в) Постановление коллегии Министерства социального обеспечения РСФСР от 26 июня 1980 г. «О состоянии справочно-кодификационной работы в органах социального обеспечения РСФСР».

2. Языковедческие задания, призванные выявить особенности официально-делового стиля русского языка в разные периоды его развития.

Такие задания позволяют проследить историю формирования русского делового стиля и активизируют знания, полученные ранее при изучении истории русского языка и в курсе современного русского языка. Например:

1) выяснить особенности официально-делового стиля Киевской Руси, проанализировав язык «Договорной грамоты смоленского князя Мстислава с Ригию и Готским берегом» 1229 года;

2) выяснить особенности официально-делового стиля старорусского языка на материале анализа «Духовной грамоты Московского князя Дмитрия Ивановича» до 1378 года;

3) проанализировать языковые особенности двух отрывков из памятника официально-делового стиля XVI века «Домострой» и объяснить, чем объясняются различия;

4) проанализировать язык «Устава МГТУ им. Г. И. Носова» и выяснить содержательные, структурные и языковые особенности современных организационных документов;

5) проанализировать язык «Приказа о соблюдении мер профилактики коронавирусной инфекции в МГТУ им. Г. И. Носова» и выяснить содержательные, структурные и языковые особенности современных распорядительных документов.

3. Задания на совершенствование культуры письменной речи в официально-деловом стиле.

Они призваны показать студентам специфику языка официально-деловых документов и потренировать их в использовании необходимой лексики, фразеологии и синтаксических конструкций. Например:

1) образуйте словосочетания, имеющие окраску официально-делового стиля, подобрав к приведенным ниже существительным согласованные и несогласованные определения, – ответственность, действия, лицо, пособие, рассмотрение, срок, ущерб и т. п.;

2) подберите к данным глаголам подходящие по смыслу имена существительные и составьте словосочетания, которые можно встретить в официально-деловом стиле, – внести, высказать, заслушать, произвести, принять, предпринять и т. п.;

3) определите, чем вызвано нарушение смысловой точности высказывания в приведенных ниже фрагментах деловых писем, отредактируйте предложения и запишите;

4) прочитайте предложения, взятые из текстов документов; найдите ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости, исправьте их и запишите полученные фразы;

5) объясните характер допущенных ошибок в приведенных ниже предложениях, взятых из официально-деловых документов, отредактируйте фразы и запишите их;

6) замените слова с окраской официально-делового стиля нейтральными синонимами и запишите получившиеся соотносительные пары через тире – аннулировать, конструктивный, рекламация, полемика, финансы, компетентный и т. п.

4. Задания на выявление специфики оформления и составления официально-деловых документов разных видов.

Эти задания выполняются сразу после получения студентами теоретических знаний о содержании, структуре и особенностях оформления организационных, распорядительных и информационно-справочных документов. Например:

1) найдите ошибки в оформлении приведенных ниже документов; добавьте недостающие реквизиты, покажите, как правильно они должны оформляться;

2) найдите ошибки в оформлении и текстах приведенных ниже деловых писем;

3) проанализируйте приведенные ниже фрагменты распорядительных документов и выясните, что общего в оформлении постановления, распоряжения и приказа и чем они различаются;

4) составьте заголовки к распорядительным документам, используя данные существительные в нужной форме: назначение, ликвидация, утверждение и др.;

5) исправьте текст приказа, отделив констатирующую часть от распорядительной; оформите и допишите документ

в соответствии с правилами оформления распорядительных документов;

6) найдите и исправьте ошибки в оформлении доверенности; отредактируйте и запишите полученный текст.

5. Творческие задания. Они выполняются уже начиная с первого занятия для привлечения интереса студентов к предмету. Некоторые задания целесообразно давать после прохождения соответствующих тем: «Виды деловых писем и правила их составления», «Особенности документирования трудовых правоотношений».

Примеры творческих заданий:

1) изложите содержание своей просьбы в форме заявления в соответствующую инстанцию МГТУ им. Г. И. Носова:

– я хочу уехать домой пораньше, потому что у моей мамы юбилей; разрешите, пожалуйста, сдать сессию досрочно;

– у меня родилась дочка, помогите деньгами, пожалуйста, а то памперсы стоят очень дорого;

– пожалуйста, выделите льготную путевку в санаторий для меня и моего сыночка, потому что он часто болеет, и я сижу с ним, а не на парах и т. п.;

2) прочитайте приведенное ниже деловое письмо и определите, какие ошибки были допущены при его составлении; исправьте их и напишите свой вариант письма, чтобы руководитель смог ответить по существу;

3) составьте благодарственное письмо директору драматического театра имени А. С. Пушкина от имени библиотеки за участие артистов в культурно-просветительском мероприятии;

4) составьте договорное письмо о заключении договора между ООО «Магстрой» и ООО «Алекс» на поставку строительных материалов;

5) составьте письмо-просьбу Бурановской птицефабрики в областную администрацию о выделении средств из областного бюджета в сумме 450 тыс. руб. до начала реализации молодняка птицы населению;

6) составьте приказ по предприятию «Фортуна» об итогах ревизии по проверке финансового учета; в констатирующей части укажите, что ревизией обнаружены факты грубого нарушения финансового учета: полное отсутствие отчетности по командировкам и журнала учета доверенностей;

7) напишите автобиографию, необходимую для оформления документов при поступлении на работу;

8) напишите резюме о себе для поступления на работу в библиотеку;

9) напишите объяснительную записку директору Института гуманитарного образования по поводу своих систематических опозданий на занятия.

Заключение

Таким образом, филологическая культура нормативных текстов – это комплексная филологическая дисциплина, которая занимает важное место в подготовке будущих филологов. Она позволяет совершенствовать «человеческий капитал» [8, 103] и помогает студентам расширить сферу возможного применения полученных знаний и умений после окончания университета. Опираясь на знания, полученные при изучении таких дисциплин, как современный русский язык, филологический анализ текста, древние языки и культуры, практикум по русскому языку, на занятиях по филологической культуре нормативных текстов студенты учатся верифицировать источники официально-деловой информации и определять подлинность документов и их юридическую силу, осмысленно читать деловые документы и извлекать из них нужную информацию, редактировать и составлять оригинальные официально-деловые документы разных видов.

Представляется, что преподавание рассматриваемой дисциплины должно развиваться в сторону увеличения количества различных практических заданий и упражнений с целью выработки у студентов необходимых умений и навыков, которые несомненно пригодятся им в их будущей самостоятельной жизни, а возможно, и в профессиональной деятельности.

Литература

1. Андреева С. Л. Документирование деятельности негосударственных организаций: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2018. URL:<https://magtu.informsystema.ru/uploader/fileUpload?name=3591.pdf&show=dcatalogues/1/1515260/3591.pdf&view=true> (дата обращения: 25.02.2022).
2. Андреева Ю. С. Легкий русский совсем без нагрузки. Москва: АСТ, 2021. 192 с.
3. Анохина С. А. Сборник контрольных заданий по документной лингвистике: практикум [Электронный ресурс]. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2016. URL: <https://magtu.informsystema.ru/uploader/fileUpload?name=2361.pdf&show>

=dcatalogues/1/1130008/2361.pdf&view=true (дата обращения: 25.02.2022).

4. Борисова Е. Г., Геймбух Е. Ю. Стилистика и литературное редактирование: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. Москва: Юрайт, 2016. 275 с.

5. Бушканец Л. Е., Махина Н. Г., Насрутдинова Л. Х., Сидорова М. М. Современные проблемы высшего филологического образования и их отражение в рефлексии его участников [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23703> (дата обращения: 25.02.2022).

6. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов. Изд. 29-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 539 с.

7. Гараева Л. А. Филологическое обеспечение деятельности современной библиотеки // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 134–150.

8. Гараева Л. А., Зайцева Л. А. Аватар читателя городской библиотеки // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). С. 102–119.

9. Губчевская Е. А. Филологическое образование обучающихся в условиях формирования клипового мышления // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). С. 82–96.

10. Ильин Д. Ю. Филологическое образование: задачи и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. 2008–2009. Серия 6. № 11. С. 21–27.

11. Кирсанова М. В., Аксенов Ю. М. Курс делопроизводства: документационное обеспечение управления: учеб. пособие. 6-е изд., испр. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2012. 367 с.

12. Кирсанова М. В., Анодина Н. Н., Аксенов Ю. М. Деловая переписка: учебно-практическое пособие. 3-е изд. Москва: ИНФРА-М, 2006. 136 с.

13. Лалетина А. О. Глобализация и идеология языка в современной России // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 56–65.

14. Лэйхифф Дж. М., Пенроуз Дж. М. Бизнес-коммуникации. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 688 с.

15. Мельничук О. А. Профессиональное гуманитарно-филологическое образование в современных условиях // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. Т. 10, № 2. С. 92–96.

16. Раздорожный А. А. Документирование управленческой деятельности: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2011. 304 с.

17. Салазкина, Л. П. Документирование управленческой деятельности. Кроссворды: учебное пособие [Электронный ресурс]. 2-е изд. Кемерово: КемГУ, 2009. 286 с. // Лань: ЭБС. URL: <https://e.lanbook.com/book/30170> (дата обращения: 25.02.2022).

18. Штрекер Н. Ю. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 351 с.

REFERENCES

1. Andreeva S. L. Dokumentirovanie dejatel'nosti negosudarstvennyh organizacij: uchebno-metodicheskoe posobie [Jelektronnyj resurs]. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2018. URL: <https://magtu.informsystema.ru/uploader/fileUpload?name=3591.pdf&show=dcatalogues/1/1515260/3591.pdf&view=true> (accessed 25.02.2022).

2. Andreeva Ju. S. Legkij russkij sovsem bez nagruzki. Moscow: AST, 2021. 192 p.

3. Anohina S. A. Sbornik kontrol'nyh zadaniy po dokumentnoj lingvistike: praktikum [Jelektronnyj resurs]. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2016. URL: <https://magtu.informsystema.ru/uploader/fileUpload?name=2361.pdf&show=dcatalogues/1/1130008/2361.pdf&view=true> (accessed 25.02.2022).

4. Borisova E. G., Gejmbuh E. Ju. Stilistika i literaturnoe redaktirovanie: uchebnik i praktikum dlja prikladnogo bakalavriata. Moscow: Jurajt, 2016. 275 p.

5. Bushkanec L. E., Mahinina N. G., Nasrutdinova L. H., Sidorova M. M. Sovremennye problemy vysshego filologicheskogo obrazovanija i ih otrazhenie v refleksii ego uchastnikov [Jelektronnyj resurs] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23703> (accessed 25.02.2022).

6. Vvedenskaja L. A., Pavlova L. G., Kashaeva E. Ju. Russkij jazyk i kul'tura rechi: ucheb. posobie dlja vuzov. Izd. 29-e. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 539 p.

7. Garaeva L. A. Filologicheskoe obespechenie dejatel'nosti sovremennoj biblioteki // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). P. 134–150.

8. Garaeva L. A., Zajceva L. A. Avatar chitatelja gorodskoj biblioteki // Libri Magistri. 2019. № 1 (7). P. 102–119.

9. Gubchevskaja E. A. Filologicheskoe obrazovanie obuchajushhihsja v uslovijah formirovanija klipovogo myshlenija // Libri Magistri. 2020. № 1 (11). P. 82–96.

10. Il'in D. Ju. Filologicheskoe obrazovanie: zadachi i perspektivy // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008–2009. Serija 6. № 11. P. 21–27.
11. Kirsanova M. V., Aksenov Ju. M. Kurs deloproizvodstva: dokumentacionnoe obespechenie upravlenija: ucheb. posobie. 6-e izd., ispr. i dop. Moscow: INFRA-M, 2012. 367 p.
12. Kirsanova M. V., Anodina N. N., Aksenov Ju. M. Delovaja perepiska: uchebno-prakticheskoe posobie. 3-e izd. Moscow: INFRA-M, 2006. 136 p.
13. Laletina A. O. Globalizacija i ideologija jazyka v sovremennoj Rossii // Voprosy psiholingvistiki. 2012. № 1 (15). P. 56–65.
14. Ljejhiff Dzh. M., Penrouz Dzh. M. Biznes-kommunikacii. Sankt-Peterburg: Piter, 2001. 688 s.
15. Mel'nichuk O. A. Professional'noe gumanitarno-filologicheskoe obrazovanie v sovremennyh uslovijah // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2013. T. 10, № 2. S. 92–96.
16. Razdorozhnyj A. A. Dokumentirovanie upravlencheskoj dejatel'nosti: uchebnoe posobie. Moscow: INFRA-M, 2011. 304 s.
17. Salazkina, L. P. Dokumentirovanie upravlencheskoj dejatel'nosti. Krossvordy: uchebnoe posobie [Elektronnyj resurs]. 2-e izd. Kemerovo: KemGU, 2009. 286 s. // Lan': JeBS. URL: <https://e.lanbook.com/book/30170> (data obrashhenija: 25.02.2022).
18. Shtreker N. Ju. Russkij jazyk i kul'tura rechi: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. Moscow: JuNITI-DANA, 2011. 351 s.

FROM THE EXPERIENCE OF TEACHING PHILOLOGICAL
CULTURE OF NORMATIVE TEXTS TO STUDENTS OF PHILOLOGY

Larisa A. Garaeva

Candidate of Sciences (Philology), Municipal budgetary cultural
institution 'Association of city libraries' (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

This article is the first attempt to summarize the experience of teaching philological culture of normative texts in the 4th year of the Bachelor's programme for students of Philology. The necessity of this research is determined by the "young age" of this course and the absence of special textbooks and methodological aids. Meanwhile it is one of the important disciplines, which purpose is to generalize and systematize the knowledge received by students earlier, to equip them with abilities and skills to extract the necessary official and business information from different sources, to edit and draw up various business

documents, and to show the opportunities of application of philological knowledge, abilities and skills in practical activities.

At Nosov Magnitogorsk State Technical University philological culture of normative texts has been taught since 2019. Students of philology show an unfailing interest in this discipline and actively participate in all types of work offered by the teacher. It seems that it is already possible to sum up some preliminary results and to share our findings with the professional community.

The aim of the article is to outline the range of problems related to teaching philological culture of normative texts and to show possible ways of solving them. To achieve this aim it is necessary to characterise the place of this discipline among other philological disciplines, to give an overview of the textbooks and manuals used by the author while developing lectures and practical classes, and to demonstrate the tasks and exercises which have been successfully applied in the teaching process. The results of the research are expected to be of use for the fellow philologists who teach culture of normative texts, and contribute to the further improvement of the teaching of this discipline.

Keywords: philological culture of normative texts, official business documents, practice-oriented philological education, tasks

Для цитирования: Гараева Л. А. Из опыта преподавания филологической культуры нормативных текстов у студентов-филологов // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 80–92.

Поступила в редакцию 07.03.2022

РАЗДЕЛ VI. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

УДК 77
ББК Ч488/489

DOI 10.52172/2587-6945_2022_20_2_93

А. Л. Солдатченко¹

ORCID: 0000-0002-4828-4917

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
cafola@mail.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Важность данного исследования определяется переходом к цифровой экономике. Это обстоятельство влечёт за собой необходимость подготовки в системе высшего образования компетентных специалистов способных не только эффективно исполнять свои профессиональные обязанности, владеющих цифровыми технологиями, но и готовых продуктивно осуществлять социальные функции. Исполнение указанных функций оказывается невозможным без наличия у студентов системы соответствующих ценностей, которые задают направление всем видам деятельности, в которых они участвуют в период обучения вузе и во время профессиональной карьеры. В данной статье выделяются и обосновываются ценности, входящие в содержание социальной зрелости студентов технического вуза, обуславливающие процесс её становления в условиях цифровизации системы высшего образования. Обозначенные ценности представляют собой систему, включающую три подсистемы: базовые, нормативно-государственные и педагогические ценности, в которые входят ценности-цели и ценности-средства. Каждая из подсистем выполняет

¹ Солдатченко Александр Леонидович, доктор педагогических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

соответствующую функцию: методологическую, заключающуюся в том, что она позволяет определить содержательное наполнение социальной зрелости студентов, регулятивную, посредством которой деятельность студентов направляется на достижение социально значимых результатов, и инструментальную, регулирующую педагогическое взаимодействие в образовательном процессе вуза. Ценности цифровизации входят во вторую подсистему. Они детерминированы особенностями современного цифрового общества, и определяются человеческим, технологическим и экономическим факторами. Использование цифровых образовательных технологий как ценностей-средств характеризует цифровой образовательный процесс. Их дидактическими свойствами являются: интерактивность, свобода информационного поиска, мультимедийность, индивидуальность, ориентированность на молодёжь, гипертекстовость.

Ключевые слова: ценности, социальная зрелость студентов технического вуза, цифровизации высшего образования, становление социальной зрелости

Заявленное исследование является актуальным, поскольку трансформация экономики к её цифровому варианту обуславливает новые требования, предъявляемые к кадрам, подготавливаемым высшими учебными заведениями, выпускники которых должны быть способны не только компетентно выполнять профессиональную деятельность, но и реализовывать социальные функции, что невозможно без наличия соответствующей системы ценностей.

Учеными были изучены различные аспекты социального становления студентов, в частности, профессиональный имидж [1], нравственные отношения [10], нравственное самоопределение [11], коммуникативная компетенция [14], а также инновационные средства социального развития, в качестве которых могут использоваться активное учение [12], интерактивное обучение [15] и информационные системы [13], кроме того, исследованы особенности социализации как фактора, обеспечивающего благополучие социума [9]. Однако ценностная сторона становления социальной зрелости студентов технического вуза в современных условиях цифровизации высшего образования остаётся недостаточно разработанной.

«Цифровизация высшего образования» трактуется нами как преобразование традиционной модели образования в её цифровую версию, когда информация, используемая в образовательном процессе, представляется, в основном, в компьютерной форме [7, 6]. Цифровое

высшее образование в данном случае рассматривается как учебно-воспитательная деятельность, при осуществлении которой предпочтение отдаётся использованию цифровой информации и современным технологиям её поиска, сбора, хранения, передачи, обработки, использования, переработки и защиты, с целью повышения качества образования и эффективности управления им [7, 5].

Социальная зрелость студентов технического вуза выражается в их способности эффективно осуществлять различные виды социально-значимой деятельности, конструировать индивидуальные маршруты по преобразованию самих себя и образовательной среды вуза в процессе социального взаимодействия, что позволяет им установить баланс между решением общественно-полезных задач и личными интересами. При этом её сущностными характеристиками выступают: 1) комплексность; 2) детерминированность личностными и возрастными особенностями студентов; 3) социальная и профессиональная направленность; 4) деятельностный характер; 5) индивидуализация траекторий её реализации; 6) аксиологичность.

Ценности являются важной составляющей социальной зрелости студентов вуза. Сложившаяся система ценностей, которая существует в конкретный исторический период в обществе, определяет ведущие направления в его развитии, служит отражением текущей ситуации. Для того чтобы эффективно функционировать в социуме, стать его полноценным членом, студент должен осуществить осознанный выбор, занять осмысленную позицию и выработать свое отношение к системе общественных ценностей, своему месту в социуме и своей роли в системе общественных отношений, что значит самоопределиться и прежде всего относительно ценностей [4; 6].

В основании системы связи человека с миром и с людьми находятся ценности как осознанные смыслы жизни, как отношение человека к самому себе и окружающему его миру [2; 5].

Ценности играют ведущую роль в структуре социальной зрелости студентов технического вуза, выполняя ряд функций. Нормативная функция заключается в том, что ценности служат основополагающими нормами, регламентирующими все сферы общественной жизни и деятельности, и являются интегрирующими элементами социума, руководствуясь которыми студент определяет одобряемую обществом модель действий. Системообразующая функция проявляется в том, что ценности объединяют прочие компоненты в единую систему, как в случае с социальной зрелостью студентов технического вуза, так и в случае с педагогической системой её становления. При этом ценности обуславливают цель,

создающую из всех элементов единое целое, для достижения которой они функционируют. Ориентирующая функция состоит в том, что исходя из интериоризованных ценностей, студент определяет собственную позицию, отношение, стратегии и способы деятельности в социальном окружении.

Система ценностей, реализуемая в процессе становления социальной зрелости студентов технического вуза, представлена тремя подсистемами, каждой из которых также присуща своя функция. В первую подсистему входят базовые ценности, которые определяют функционирование всех составляющих педагогической концепции становления социальной зрелости студентов в образовательной среде вуза. Данная система ценностей включает общечеловеческие ценности (любовь, доброта, забота, сочувствие, альтруизм, совесть, честность), задающие гуманистическую направленность концепции. Данные ценности выполняют методологическую функцию и дают возможность определить содержательное наполнение социальной зрелости студентов.

Вторую подсистему составляют нормативно-государственные ценности, которые обуславливают отражение в концепции культуры, традиций, социальной специфики в рамках современного российского общества. На их основе определяются требования к социальной зрелости студентов вуза. Данные ценности заложены в Конституции Российской Федерации и отражены в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» раздел «Защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Анализ содержания данных документов предоставляет возможность выделить следующие группы ценностей: 1) духовно-нравственные ценности («светлая вера в добро», «стремление к счастью», «справедливость», «высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение»); 2) социальные ценности («гражданский мир и согласие»); 3) демократические ценности («жизнь, достоинство, права и свободы человека»); 4) ценности государственности (сохранение «исторически сложившегося государственного единства», стремление сделать «незыблемой <...> государственность России», «единство народов России»); 5) патриотические ценности («патриотизм, гражданственность, служение» и «любовь к Отечеству», «ответственность за свою Родину», «возрождение России»); 6) ценности исторической памяти и преемственности поколений

(«читать память предков», «читать память защитников Отечества», защищать «историческую правду»); 7) интернационалистические ценности («сознавая себя частью мирового сообщества»); 8) ценности благополучия (достойная жизнь, «благополучие и процветание России» [8]. Учитывая цифровизацию современного российского общества в целом и системы высшего образования в частности, к вышеперечисленным ценностям следует добавить ценности, связанные цифровизацией общества (информация, информационная безопасность и информационные технологии). Обозначенные ценности осуществляют регулятивную функцию, направляя деятельность студентов на достижение социально значимых результатов.

Ценности цифровизации обусловлены спецификой современного цифрового общества, определяемой рядом факторов, среди которых следует особо отметить человеческий, технологический и экономический.

Человеческий фактор связан с возникновением нового цифрового поколения, к отличительным чертам которого относят: тесную взаимосвязь жизни в реальном и виртуальном, интернете-пространстве, возможность самостоятельно начать получать доход в сравнительно раннем возрасте, заинтересованность в приобретении информации при отсутствии сильного стремления к получению классического образования, обеспокоенность решением общественно значимых, глобальных проблем, сравнительно высокую по сравнению с предыдущими поколениями толерантность, чувство справедливости, желание жить полной жизнью и получать удовольствие от неё, выражающиеся, в частности, в склонности испытать себя в разнообразных видах деятельности, предпочтении самозанятости, удалённой работы по гибкому графику.

Технологический фактор обусловлен развитием и широким внедрением в практически все сферы жизни и деятельности человека передовых цифровых технологий, которые одновременно создают цифровую среду, существуют и развиваются в ней. На текущий момент актуальными технологиям целесообразно признать перечисленные в Национальной программе «Цифровая экономика РФ»: большие данные, нейротехнологии, искусственный интеллект, системы распределённого реестра, квантовые технологии, производственные технологии, промышленный интернет, робототехника, сенсорика, технологии беспроводной связи, виртуальная и дополненная реальность, а также телекоммуникационные [7, 5].

Экономический фактор отражает процесс перехода к цифровой экономике, в основе которой лежат цифровые технологии, электронный способ осуществления коммерции и ведения бизнеса, производство, продвижение и потребление цифровых товаров и услуг, и предопределяемые этой экономической реальностью новые требования к подготовке выпускников вузов [3, 18].

Названные выше ценности детерминируют функционирование третьей подсистемы, в которую включены педагогические ценности, непосредственно связанные с реализацией педагогической концепции становления социальной зрелости студентов в образовательном процессе вуза, и включают в себя самодостаточные ценности-цели и инструментальные ценности-средства. В ценностях-целях находит своё отражение социальный заказ, что определяет ценность социальной зрелости как личностного и профессионального качества студента, становление которого происходит в образовательном процессе вуза. Ценности-цели субъективируются и детерминируют инструментальные ценности, то есть ценности-средства. Последние представляют собой систему, состоящую из понимания ценности технологий и методик становления социальной зрелости, ценности педагогического общения, благодаря которым в целом решаются задачи личностного и профессионального характера в ходе становления социальной зрелости студентов вуза.

В условиях цифровизации высшего образования особую роль выполняют цифровые образовательные технологии как ценности-средства, поскольку их применение выступает характерной чертой выстраивания цифрового образовательного процесса. При этом основными дидактическими свойствами данных технологий являются: 1) интерактивность, позволяющая вовлечь одновременно нескольких участников в качестве субъектов в ходе педагогического взаимодействия и обеспечить наличие обратной связи между ними; 2) свобода при осуществлении информационного поиска в интернет-сети и прочих базах данных; 3) мультимедийность, обеспечивающая синхронную трансляцию и перцепцию различных форм представления информации; 4) индивидуальность, проявляющаяся в практически безграничных опциях настройки, оптимизируемой под индивидуальные нужды и специфику обучающихся; 5) ориентированность на молодежь, заключающаяся в их привычности для нового цифрового поколения и непротиворечивости их мировосприятию; 6) гипертекстовость, дающая возможность текстовой навигации посредством ссылок и мультилинейной или нелинейным организации данных [3, 21].

Ценности поведения преподавателя соединяют указанные подгруппы: здесь проявляются ценности-отношения к профессиональной деятельности в становлении социальной зрелости, к студентам и самому себе, ценности-качества профессиональных и личностных черт преподавателя, ценности-знания основных положений, закономерностей, принципов, правил становления социальной зрелости студентов вуза. Вышеперечисленные группы педагогических ценностей являются взаимообусловленными и составляют аксиологическую систему, функционирующую как единое целое. Указанные ценности реализуют инструментальную функцию, регулируя все виды педагогического взаимодействия преподавателей и обучающихся в образовательном процессе вуза.

Литература

1. Гасаненко Е. А., Пономарева Л. Д., Царан А. А. Профессиональный имидж как фактор успешного профессионального становления студента технического вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–1. С. 114–117.
2. Кирьякова А. В. Механизмы ориентации личности в мире ценностей // Вестник ОГУ. 2002. № 7. С. 4–11.
3. Пахомова Т. Е. Формирование икт-компетентности студентов педагогического колледжа с учётом междисциплинарной интеграции в условиях цифровизации образования: 13.00.01: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2020. 214 с.
4. Солдатченко А. Л., Смолина И. Ю. Классификация методологических подходов к дефиниции самоопределения // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 5. С. 207–217.
5. Солдатченко А. Л., Харитоновна С. В. Формирование ценностных ориентаций студентов вузов посредством аксиологических ситуаций // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2017. Т. 9. № 4. С. 74–82.
6. Солдатченко А. Л., Костюченко М. В. Формирование ценностных ориентаций студентов вузов как основы социальной самоопределённости // Libri Magistri. 2017. Вып. 4. С. 133–138.
7. Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49–58.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 28.01.2022).

9. Царан А. А., Харитонова С. В. Интеллектуальная социализация личности как фактор благополучного общества // *European Social Science Journal*. 2018. № 1. С. 259–263.

10. Царан А. А. Формирование нравственных отношений будущих менеджеров как педагогическое условие их нравственного самоопределения // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 1. С. 54.

11. Царан А. А. Характеристика модели нравственного самоопределения будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. № 5. С. 153.

12. Kamyshcheva O. V., Potrikcheva E. S., Vakhitov R. R., Mitsan E. L., Rudakova S. V., Terentieva N. G. Active Learning of University Students and Ways to Organize It / // *Revista on Line De Politica E Gestao Educacional*. 2021. Vol. 25. № S6. P. 161–172.

13. Mikhailova, U. V., Saigushev N. Ya., Vedeneva O. A., Tsaran A. A. Information Systems at Enterprise. Design of Secure Network of Enterprise / U. V. Mikhailova, // *Journal of Physics: Conference Series*. International Conference Information Technologies in Business and Industry 2018 – Enterprise Information Systems. 2018. С. 042–054.

14. Nazarova O. L. Rudakova S. V., Akasheva T. V., Velikanova S. S., Bakholskaia A. A., Chernykh O. P. The Development of Communicative Competence of University Students in the Process of Their Professional Training // *Revista Praxis Educacional*. 2019. Vol. 15. № 36. P. 599–609.

15. Soldatchenko A. L., Baklykova T. Yu., Kharitonova S. V., Rudakova S. V., Velikanova S. S., Chernykh O. P. Influence of an Interactive Learning Model the Professional Competence of University Students // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2020. Vol. 12. № 2. P. 583–590.

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE FORMATION OF SOCIAL
MATURITY IN TECHNICAL UNIVERSITY UNDERGRADUATES
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE SYSTEM
OF HIGHER EDUCATION

Alexander L. Soldatchenko

Candidate of Education, Associate Professor of Department
of Linguistics and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical
University

(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The importance of the research is explained by the transition to the digital economy. This fact entails the need to train competent specialists in the system of higher education who are ready not only to fulfill effectively their professional duties and use digital technologies, but who can also efficiently carry out their social functions. The fulfillment of these functions turns out to be completely impossible unless the students possess a system of certain values that helps guide all types of activities in which they take part both during their study at university and during their professional career. This article highlights and substantiates the values included in the contents of the social maturity of technical university undergraduates, which determine the process of its formation in the conditions of digitalization of the higher education system. The abovementioned values form a system that includes three subsystems: basic, normative-state and pedagogical values, which include values-goals and values-means. Each of the subsystems performs a corresponding function: methodological, which allows us to determine the contents of students' social maturity, regulatory, which directs students' activities to achieving socially significant results, and instrumental, which regulates pedagogical interaction in the university educational process. Digitalization values are included in the second subsystem. They are determined by the peculiarities of the modern digital society, and influenced by human, technological and economic factors. The usage of digital educational technologies as values-means characterizes the digital educational process. They possess the following didactic properties: interactivity, freedom of information search, multimodality, individuality, youth orientation, hypertextuality.

Key words: values, social maturity of technical university undergraduates, digitalization of higher education, formation of social maturity

Для цитирования: Солдатченко А. Л. Аксиологический аспект становления социальной зрелости студентов технического вуза в контексте цифровизации системы высшего образования // Libri Magistri. 2022. № 2 (20). С. 93–101.

Поступила в редакцию 25.03.2022

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание **3 номера 2022** (двадцатого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в сентябре 2022 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом **Фамилия_заявка**, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.
3. Предполагаемый раздел номера.

4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.

5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.

6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора MicrosoftWord 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – ***Фамилия_статья*** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор MicrosoftWord для Windows. Шрифт – ***Times New Roman***, размер – **10**. Абзац – **1 см**, междустрочный интервал – **1**. Выравнивание по ширине. Все поля документа по **2 см**. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются ***ББК*** и ***УДК*** (полуужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются ***инициалы и фамилия автора*** (полуужирным курсивом). На пятой и следующих строках

(выравнивание по правому краю) – *ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (без слова **Аннотация**) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – TimesNewRoman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор

научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать место работы.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznaniya-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury` ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p.
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p.
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114.
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`j resurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o._n._100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY:
«DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics and
Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2022. 2 (20)

**90 лет высшему педагогическому образованию
в Магнитогорске**

Научный рецензируемый журнал

Сдано в набор 04.06.2022. Подписано в печать 14.06.2022.

Дата выхода 15.06.2022.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1

Плоская печать. Усл. печ. л. 6,75. Тираж 500 экз. Заказ 2042.

Издательство ООО «ВГ КАТРАН»

455000, Магнитогорск, ул. 50-летия Магнитки, 39–53.